

С ГРУЗИНСКОГО

Кари крис – кари крис – кари крис –
не умеешь – и врать не берись.*

*Переводчик, сломай карандаш:
перескажешь – размажешь – предашь.*

*Этот подлинник неуследим.
Подвиг – подвигом переводим.*

Владимир ЛЕОНОВИЧ

Галактион ТАБИДЗЕ в переводе

Владимира ЛЕОНОВИЧА (1933-2014)

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «МАНОН ЛЕСКО»

И я окружен глубиной безначальной,
Где сон проступает сквозь сон –
Как повесть иная – сквозь этот печальный
Роман де Грие и Манон.
Столетия летят! На обложке шедевра –
Нежданный его эпилог –
Тревожные ритмы Парижа и Эвра,
Затянутый узел дорог,
Фиакры, наемные головорезы,
Дуэль, вероломство, тюрьма...
И рушится вся богословская теза,
И логика сходит с ума.
А бедствий причина – ясна и невинна!
И праведен тот, кто влюблен.
О, бедный закон! О, печальный старинный
Роман де Грие и Манон...
Осенняя стужа, влюбленные в роще,
И час их неверен и скор,
И страшно маячит им Гревская площадь –
Толпа и позорный костер.
Но петли уловок и тропы запрета
Уже разрешила, прошла –
Как луч отлетевший – мгновенная эта,
Певучая эта стрела...
Утрата – и ужас. И ропот на бога.
И старый аббат поражен –
И рвется – и длится – темно, одиноко
Роман де Грие и Манон.

* * *

За полночь над пеной прибоя, над громом и рознью
Мой конь, словно птица усталая, плыл тяжело...
Струна натянулась, и вспыхнули лунные гроздья.
Кромешное море – направо – насквозь – рассвело!

Движение умрет – и очнется его изваянье,
И праздничный мрамор цветет, словно ветвь
альчи...
Является женщина, и голубое сиянье
Исходит из моря, и утро восходит в ночи.

Гремящая галька прибоя – воистину ТЕРРА!
Оглохла скала, как безумец, нажав на курок...
Была колыбель, голубые лучи Люцифера,
Был свет путеводный в начале неизвестных дорог.

ВОЛЯ

Рыдайте, избранники Божьего гнева,
Невинный Адам, непорочная Ева!

Бегите, бегите родного чертога!
И гневом Его – вспалится дорога!

Остался губитель и прячется в кущи –
Чешуйчатокольчатоскоротекущий ...

Кропите дорогу рыданьем и плачем...
Под гневом неправым, под гневом незрячим.

Здесь камни текучи и дерево шатко...
И всё Ему – воля! И мщение – сладко.

* Ветер свищет (груз.).

ТБИЛИСИ

Глициния. Лестница витая.
 Осыпавшаяся листва.
 Чеканная и золотая,
 Лежит воздушно – как слова.
 Над городом простерта
 слабо
 Мерцающая пелена,
 И ранних сумерек баллада –
 Тому причина и вина.
 Их бледнорозовоантарный
 Меня тревожит колорит
 И больше, чем пожар Верхарна,
 Воображенью говорит.
 Предгорья – караван печальный.
 Бредет обитель Саване
 Вослед сутулой Арсенальной
 Неведомо куда,
 вовне.
 Страшись метафор, как навета!
 Стояли обе – а потом –
 Одни водовороты света
 На месте ровном и пустом.
 Открылся берег протяженный –
 Раскат на северо-восток,
 И сумрак сизый, свет тяжелый
 На краски города налег.
 И ты – единственная милость –
 Как я тебя уберегу?
 Мне на мгновение явилась
 Седая – в пепле и в снегу...
 Разлад, погибель и сиротство...
 Не надо!
 Боже, ослепи...
 Прости...
 Дай – видеть
 и бороться!
 Благослови и укрепи...
 Мтацминды остов.
 Небосвода
 Свет уходящий – и туда
 Ведут ступени эшафота,
 Как пишут эти господа.
 Не поведут их на закланье,
 И Час Судьбы они проспят –
 Но взыскан прежде
 и заране,
 Пророчествующий распят!
 А непосильный крест разлада
 Давно и строго утвержден.
 Постой, постой, моя баллада?
 Не спит мой город,
 верит он..,

ДОВИН-ДОВЛИ

Так пером блаженно водит
 Ангел третьего завета,
 Ибо женщина выходит
 На дворцовый лед паркета.

Прочь отброшено введение
 Книги путаной и странной

Ради этого мгновенья
 Красоты обетованной!
 Дай блаженному грузину
 Опрокинуть возле трона
 Всю цветочную корзину
 Золотого Трианона!
 Это грезилось в картинных
 Галереях сей столицы,
 В глубине зеркал старинных
 Собиралось по крупнице...
 Боже мой, какая мука,
 Блажь какая и блаженство –
 Изваять – увы – из звука
 Вас, о Ваше Совершенство!
 Неустанно, неустанно
 Возношу хвалы Кипрнде.
 Как версальские фонтаны
 Подражают Вам – смотрите!

Довин-довли...
 Дева, дева,
 Поглядите-ка налево...
 Над грядой дубов и пиний,
 Над дорожкой райской, синей –
 Полуночный ветер горный,
 Иссиня-седой и черный –
 Конь летит – по коже иней –
 Гость незванный, призрак вздорный...
 И к чему такая спешность?
 О, зажмурьтесь, Ваша Нежность!
 Это слезы? Не годится –
 И давайте «Довин-Довли»
 Я спою Вам – я ведь птица –
 Не люблю я птицеловли!
 Довин-довли, довин-довли!

* * *

Вино туманно-голубое,
 Шопена гордая молитва,
 Колеблемая над резьбою
 Чернофигурного пюпитра.
 Пока мятутся
 Паганини
 Неистовые заклинанья,
 Стоят – листа не проронили –
 Осинники над Алазанью,
 Порыв мятежный и высококи
 Равнине той себя вверяет,
 И шелестение осоки
 Все страсти умиротворяет.
 Отчизна песни не отвергнет,
 А слезы произносимы.
 Как пламя, вспыхивая, меркнет
 В ресницах Алазани синей!

ТРЕТИЙ – ЭДГАР

Знакомые до сладкой муки
 Наш сельский храм, ущелье, бор.
 Бьет колокол – ложатся звуки
 Блаженные – к стопам Линор.

Идем к вечерне. В отдаленье
 Стесненная шумит река.

К тебе, Линор, мои моления:
Ты, близкая, – так далека!

И что же? Словно бы разорван
Весь золотистый небосвод!
И с нами – третий. Это ворон.
Он Эдгаром себя зовет.

Бог знает, по какому праву
Он здесь. Но мы должны молчать.
Все вместе мы идем ко храму,
И темная на всем печать.

ЧАША ПЛЕМЕНИ

Водоросли, колеблемые
Музыкой бездыханной, –
Так движения медленны
У плясуньи странной.
В голубоватом ладане –
Призрачная – плыла...
Дайте – вина и пламени
Чашу выпью дотла!
За тебя – за погибшую!
Помни – тебе пою
Песню эту охрипшую,
Славу – и литию!
Пусть над бездною высится
Гений – судьба моя...
За тебя, ненавистница
Сонного бытия...
Складки ветра и пламени
Обрывая, клубя,
На обрыве, на камени
Утверждаю тебя.

ТЫ ЖДЕШЬ?

Не жди от меня молений –
Мне жалок любовный бред –
Сил моих нет!
Есть гений Любви
И Смерти гений –
Третьего нет.

Сердце смеется.
Раньше – любило оно.
Не всё ли равно?

Правды не остается,
И жизни не остается,
И третьего – не дано.

* * *

Мечта вела его тогда,
Волн молодых разбег и мера,
И – солнце страсти – череда
Родных имен – из уст Гомера!

Он весь отдался им – уснул,
От грома их оглохнув в гроте,
И в Аттику свою скользнул
По синеве и позолоте...

Но посуровела игра,
Он времени вцепился в гриву.
А сны сбывались: кровь и мгла,
Восторги и проклятья – Риму.

А нынче снег. Он бел и тих.
Был тих Овидий присмирелый...
А на коленях на твоих –
Том золотой и фартук белый.

И черноморская зима,
Что сходит нехотя по склону,
И моря черная кайма –
Всё это видится Назону...

ОСЕННЕЕ УТРО

Дождь-листобой.
В ночь – город вылинял –
Стояли золотые дни –
И холод краски мира выровнял,
В нем
Видима душа:
Дохни!

Всё голубое – твердо-матово:
То изморозь в голубизне.
А ветер налетел с Мадатова –
Как смерть –
И как любовь –
Извне!

А утро блеклое, нераннее –
Неверны желтизна и синь.
В природе –
Воля умирания.
Во всем – Поэзия.
Аминь!

МОЛИТВЫ РАДИ

Облако
Пролетает,
Будто сорванный парус.
Горный кряж – изваяние
Ветра-и-корабля.
Я заклинаю Хаос: – Цминда арс! Цминда арс!
Цминда арс Хаоси! *
Вечереет земля,
Имени твоему
Отзывается строго и слитно.
Розы жертвенные разбросаны – как мерцанье
долин.

На вершинах мятежных
Почует моя молитва.
Я твой гений,
О Хаос:
Я форма.
Я твой властелин.

* Цминда арс Хаоси! — Свят, свят, Хаос! (Груз.).

Бакинцы

Александр ХАКИМОВ

Я, НАСЛЕДНИК ТРИЛОБИТОВ...

Притязания различных людей или народов на ту или иную территорию зачастую приводят к вооруженным конфликтам, а то и к самым настоящим войнам. При этом всячески игнорируются и историческая правда, и исторические документы, и просто здравый смысл, и главенствует принцип, существующий в многодетных семьях – «кто первый встал, того и тапочки». Доказать, кто прав, а кто неправ бывает крайне сложно, иногда доходит до курьезов. Впрочем, курьезы предпочтительнее конфликтов... Лет семь-восемь назад мы с друзьями любили выезжать на пикники в какой-нибудь район Азербайджана – на одной или двух машинах, со снэдью, прихваченной из дому. Мы останавливались на какой-нибудь приглянувшейся лужайке или полянке, раскладывали шезлонги, расстилали скатерть. Мы никогда не шумели, не сорили и не причиняли какого-либо ущерба природе – ведь мы выезжали для того, чтобы полечить души, травмированные буднями мегаполиса, подышать чистым лесным или горным воздухом, пофотографироваться на фоне природных красот, побродить по окрестностям, послушать тишину...

Но с некоторых пор пикники наши стали сопровождаться досадными помехами. Приключилась с нами как-то история, в одном из районов Азербайджана... не будем уточнять, в каком именно, чтобы не быть несправедливыми к другим районам, где могла произойти точно такая же история... Короче, лишь только мы расположились на подходящей поляне и вдохнули полной грудью – как откуда ни возьмись появились двое худощавых, усатых, лупоглазых мужчин. Подойдя к нам и вежливо поздоровавшись, они спросили, кто мы и откуда. Выслушав ответ, один из мужчин извлек откуда-то лист ветхой бумаги, испещренный арабской вязью, и, поднося его по очереди к лицу каждого из нас, заявил, что некогда, сто лет назад, вся эта земля принадлежала его пра-пра-прадеду, потом пришли проклятые большевики и все отобрали, а потом не стало самих большевиков... и вот теперь они, черноусые и худощавые, являющиеся прямыми и законными наследниками бывшего владельца этой земли, просят нас очистить территорию... Правда, добавил мужчина, если мы хотим побыть тут до вечера, то можем остаться; но для этого придется заплатить им, прямым и законным наследникам, некоторую сумму (сумму я называть не буду – деньги небольшие, смешные, можно сказать)... Второй мужчина поддакивал, вращая очами и топорща усы.

Вначале мы опешили, потом оправились. Ясен перец, ни о каком праве наследования тут и речи быть не могло, просто мужички нашли неплохой

способ отъема денег у честных граждан и вовсю им пользовались (подозреваю, что мы были далеко не единственными объектами подобного «развода»). Первой мыслью было обратиться в местную полицию, но участковый, скорее всего, состоял с этими мужичками в родстве и «крышевал» их, так что мы тут же оставили эту затею. Платить категорически не хотелось – хоть деньги и смешные, но нас не прельщала роль чукчей из анекдота, которым жулик продал часы со Спасской башни. Мы просто снялись и уехали. Отдохнуть, правда, удалось, в другом месте, но осадочек, как говорят в подобных случаях, остался. В последующие пикники ситуация стала повторяться с назойливой регулярностью. Поразительно, но все вымогатели выглядели одинаково – потерханные, неряшливо одетые, они были непременно худощавы, усаты и лупоглазы. Вначале я подумал даже, что это одни и те же люди, целенаправленно преследующие нас по всем районам. Потом подумал, что существует, видимо, какой-то стандарт внешности для деятелей подобного рода. И действовали они все как под копирку. Раз за разом нам предъявлялся старинный документ на арабском языке, якобы удостоверяющий право очередного наследника на вот эту вот самую землю, нам предлагали удалиться, потом милостиво разрешали остаться – за небольшую плату... Наши ответные действия тоже не баловали разнообразием – мы отказывались платить и уезжали.

После пятого или шестого инцидента мое терпение лопнуло, и я решил побить врага его же оружием. У приятеля, работающего со старинными рукописями, я выпросил чистый лист древнего пергамента. Потом я разбавил водой чернила, достал из закромов перьевую ручку и, макая ее в бледную жижу, стал покрывать лист причудливыми знаками, строчка за строчкой. Эти знаки я придумал сам, примерно так же, как позднее Федор Бондарчук выдумал для съемок «Обитаемого острова» алфавит далекой планеты Саракш. Внизу листа я изобразил нечто вроде печати – овал с силуэтом летящего сокола. И на следующий пикник я захватил бумагу с собой.

Когда к нам подошли вымогатели – традиционно потрепанные, худощавые, усатые и лупоглазые – предъявили бумагу с трудноразличимой арабской вязью и еще более трудноразличимой печатью, и принялись талдычить про землю дедов-прадедов и так далее, я, выслушав их внимательно, неторопливым жестом достал состряпанный мною «документ» и показал вымогателям. Я – татарин, веско сказал я, а стало быть, татаро-монгол (я решил, что вряд ли мои недалекие собеседники разбираются в этнических тонкостях, и оказался прав). В двенадцатом веке нашей эры Азербайджаном правил монгол Хулагу-хан, наместник самого Чингисхана, вдохновенно продолжал я. А эта вот бумага свидетельствует о том, что я являюсь прямым наследником Хулагу-хана по материнской линии, и, стало быть, вся эта земля, как и многие земли вокруг, по закону принадлежат мне! Нехитрая уловка сработала. Вымогатели были ошеломлены. Они внимательно осмотрели «документ», о чем-то посоветовались и потихоньку удалились, бросая на меня опасливые взгляды (я в

это время усиленно топорщил усы и хмурил брови). Больше мы их в тот день не видели. Никто не помешал нам отдохнуть, а мои друзья хохотали до слез.

Спустя некоторое время мне приснилось, будто я в одиночку поехал на пикник... неважно куда и расположился на живописной поляне в лесу. И не успел я повязать салфетку, как со всех сторон набежали первобытные люди. Настроенные весьма воинственно, они потрясали здоровенными дубинами и вопили, что эта земля издавна принадлежит их племени вместе с деревьями, на ней произрастающими, зверями и птицами, на ней водящимися, и рыбой, в реках плещущейся. В ответ на мое робкое требование предъявить тому хоть какое-нибудь доказательство мне показан был большой камень с пиктограммами – пляшущие человечки, человечки с копьями, олени, кабаны, быки, рыбы... Документ, надо полагать. Первобытные недвусмысленно предложил мне убираться вон, иначе, пригрозил вождь племени, мне дадут по башке дубиной, а кожу натянут на самый первый в мире барабан... Этот аргумент был почище камня с пиктограммами. Огрызаясь и отбрехиваясь, я позорно покинул зону конфликта и вернулся домой. И уже дома нашел выход из положения. Я отыскал (это все во сне, понимаете, да?)... короче говоря, я отыскал большую и старую океанскую раковину, подарок соседа-боцмана; он не покрыл ее своевременно лаком, и теперь раковина имела вид облупившийся, побитый, выцветший... Я вооружился бормашинкой и покрыл поверхность раковины какими-то совсем уж фантастическими узорами и письменами, которые не смог бы расшифровать никакой Шампольон, никакой Кнорозов! Потом я вернулся на поляну и нагло уселся там. Когда набежали первобытные, я встал, приблизился к вождю и со злорадством сунул ему прямо в волосатую физиономию раковину с диковинными письменами. Металлическим голосом я сказал, что имею полное право находиться тут, ибо эта земля принадлежит мне по праву, поскольку я являюсь прямым наследником трилобитов, обитавших тут сотни миллионов лет назад, в те еще времена, когда территория эта была покрыта водой и находилась на дне океана Тетис! А вот вам и документ, составленный непосредственно трилобитами!

Первобытные принялись озадаченно чесать свои лохматые репы, поворчали-поворчали, но крыть было нечем – раковина выглядела внушительно... Они разошлись, а я закусил сорванную травинку, безбоязненно лег на спину и стал смотреть в синее небо...

Пробудившись, я долго смеялся над своим сном. Потом, озорства ради, решил мысленно продолжить ситуацию. Вот если в следующем сне на поляну сползутся трилобиты – бронированные, членистоногие, с глазами на стебельках – и примутся качать права... Что, в таком случае, прикажете подделывать? Подпись пра-амебы, ее отпечаток, выдавленный на обломке базальта? Якобы свидетельство того, что я есть прямой, наипрямейший наследник самого первого в мире одноклеточного?

Тогда, боюсь, у меня окажется слишком много родственников...

Салим БАБУЛЛАОГЛУ

* * *

Желтая опавшая листва
на вспаханной черной земле
даст объявление в газету
в поисках художника,
если наши небрежные взгляды
не зацепились бы за заголовок на первой странице,
она не превратилась бы в перегой.

* * *

Назовите мне
розничную цену одной человеческой жизни,
и я вам назову вам оптовую стоимость целого мира,
и если вы известной вам алгеброй сопоставите
результаты,
то несоответствие, что бросится в глаза,
скажет об отсутствии искомого – любви.

ПОСВЯЩЕНИЕ МОЛЧАНИЮ

Молчание если тянется, знай, что все хорошо:
по меньшей мере,
ты получил возможность спасения от нескольких
лживых слов,
кто знает, может, ты уже спасся, но
если ты наполнился словами, звуком, значит,
в писании предначертано тебе
было зазвенеть, как часы, когда настанет время,
и ты зазвенел;
в таком случае – какая необходимость в том, что
чертишь ты на бумаге,
просто встань! поднимись!
Втолкуй всем, что каждый лишь затем свое
продолжение –
свое имя – тень – дитя означает; и втолкуй,
что каждый в первую очередь на сморщенной
простыне
забывшее свой запах и образ невыглаженное тело,
внутри дух! дух!
а снаружи вещи. Молчание – если оно затянется,
будь спокоен, не томись,
просто прикоснись к самой обычной вещи, той,
что под рукой – к часам –
(тик! тик!), то есть объясни, втолкуй себе, что ты
все еще жив и здоров;
и потом пусть запястье твое почувствует холод,
идуший по кругу под серебряным браслетом часов,
вздрагни, поблагодари Дающего жизнь за каждый
день, прожитый без оков,
брюки, рубашку натянув, пустоту собой наполни,
сделай шаг от себя к себе, от себя к себе, раз-два,
раз-два.
Каждая вещь – по большей части своя собственная
одежда. В зеркале из прежнего лишь глаза
за стеклами очков. Если снимешь очки, закрутится
все вокруг, закружится мир,
закружатся вещи, закружатся, потемнеют. Вещи не
знают иных слов,

кроме своих названий, не тянут людей за язык,
всегда молчат. Если затянется молчание,

не горюй. Просто открой кран и слушай шум
воды...

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ

фрагменты

1.

Ты один.
Утро. Окна настежь открыты на улицу.
Потягиваются люди, дома, рамы.

2.

Занавеска касается лица, на столе поднимается
скатерти угол: внимание!

ты один;
в дождь в каждом шаге грузной походки по улице
скользкой прячется падение.

Завораживают, пропадают за поворотом люди,
молотком ударяется капля о зонтик.

Ты один;

в конце, как ни крути, каждый уйдет как гвоздь
в плоскость – поодиночке.

3.

В рыжем кране со станом жирафа видится вопрос,
удивленье:
здание – муравейник, люди – муравьи – если
посмотреть с высоты;
каждый квартал – лабиринт или окаменевшие
джунгли.

Ты один.

Разбегаются люди после дождя, кто в дом,
кто из дома.

Каждая квартира – тупик – если закрыта дверь.
Каждая комната – выход – если открыто окно.
Ты один.

Лужу на цыпочках осторожно обегают взрослые.
Мчашиеся машины разбрасывают грязь,
подтягиваются штанины.

Только дети смело шагают по лужам, во все
стороны капли летят;
разбивается отраженье в воде: сама вода
оберегает ребенка.

Ты один.

4.

Ты один
Шкаф с тарелками, сложенными косо, скалит
зубы
на грязную скатерть, разостланную на столе.
Брюки, висающие в гардеробе, навытяжку стоят.
И дороги беспомощны перед утюгом брэнности.

Ты один.

Если со стороны помотришь на стул.
Многим вещам ты можешь уподобить его: топору;
“п”,
а если устанешь и сядешь, виновато вытянешь
шею вперед,
превратится он в раскрытую книгу, в “к”.

Ты один.

Если перевернешь страницу, то увидишь, что внутри
слов есть слова,
что слова можно рубить, как деревья.
Например, в “грехе” есть “эх” (и это – главное),
остальное – немного звука и немного безмолвья.

Ты один.

Ну-ка, выдумай продолжение: к чему эта тайная
клинопись?
Для прочтения какой книги? Если на помощь кого-то
кликнешь,
если ты один, тебе обязательно будет ответ,
блеклые стены молча отбросят твой голос назад.

Ты один.

Если вздрогнешь,
значит, в комнате, кроме тебя, по меньшей мере есть
кто-то еще,
он каждый день спозаранку просыпается раньше тебя,
а пока спрятался в зеркало.

5.

Свисающая с потолка пятипалая люстра
засвидетельствует, что люди беспомощны на земле.
Если вдруг погаснет свет и ты испугаешься,
ты один,
зажги свечу. Не только в свете
но и в свече с колпаком есть знак небесам.

Горит свеча. Ты открываешь тихонько глаза:
начало, середина, конец какого-то фильма.
Если рука и бок соприкоснутся справа с холодом тахты
– и ты повернешься,

ты один,
секундная стрелка часов с солдатской походкой либо
оберегает тебя,
либо вечное время мерит шагами.

Человек един с тенью своей. Намерение – с деянием.
Все есть слово: озвучено голосом, записано тайным
пером.

И перо есть вещь, звук, слово. Все в одном.
Ты один.

“Записать ли это?” Встанешь, запишешь, –
когда отложишь в сторону перо, найдешь
подтвержденье в тени своей.

В слове “вставать” есть звук скрипа – когда встаешь
с постели;
звук шагов есть в походке – если колеблешься,
с верой шагай.

Листы онемеют, если закончатся чернила.

Ты один.

Не томись. В одиночестве есть звук тишины, без слов.
Говорят ли словари? Если перевернешь страницы
– конечно!

Из ведра, куда брошена одежда, свешивается рубашки
рукав,
увидевший обманется картиной: словно тонет в море!
Со стороны глазают соседи, топишь рубашку в корыте.
Ты один.

Если вывесишь сам, загорится щека;

намокнет застрявшая в кармане последняя
тысчонка;
если узнаешь, что одежда не защищает, просто срам
прикрывает.

6.

На рассвете высокие здания и статуи пугают прохожих,
ибо для статуи есть только перед – вперед.

В каждой статуе сидит невежда без прошлого –
без того, что за спиной,
значит, прячется идол.

Площадь множат высокие здания, наслаиваясь,
растут идолопоклонники,
если озябнешь, тело задрожит.
Ты один.

Деревья с выкрашенными известью стволами
бросаются в глаза.

Словно строй почетного караула, но не защитят они
полуживой идол.

Каждая аллея – в первую очередь пустой участок,
Каждое дерево – для виселицы подпорка,
каждый человек немного палач, честно говоря.
По набережной проходишь.
Ты один.

Ты идешь по квадратным мощным плитам парка.
Глаза заслезятся: каждое деление – количество,
потеря, равная самой себе;
а затем далекое детство вспомнишь – игры, школа,
геометрия –
бесконечный квадрат заключал ты в круг, и снаружи
тоже.

А теперь само перо упрешь в центр, покрутишь
страницу – этого достаточно,
ибо все в круге, и бесконечность есть движущаяся
единица.

Ты один.

В метро люди выглядят задумчивыми,
глядящие вверх глаза кажутся большими.

В сущности, человеческая жизнь – всегда дорога,
Просто в маленьком и замкнутом пространстве
с возрастанием скорости теряется фон.

Гротеск. Земля вертится быстро, просто сам ты мал,
то, что ты видишь, лишь твое отражение в двери;
и оно растворится вместе с дверью, большинству
уступят дорогу одиночки.

Ты один.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ДРУГУ

Родина прекраснейшая из условностей
рядом с теми, кому выпала на долю чужбина
не произносите этих слов.

Женщина самая обычная из красот
вы не услышите это из уст безответно влюбленных
Бетонным стенам какое дело что на гвозди вбитые
в их тело

повешены книжные полки или вешалка.
Для гардеробщицы нет разницы
начинается ли здесь театр или заканчивается.
У играющих букварем
пока еще не заговоривших младенцев ничего не
спрашивайте

неужели этот милый облик не поясняет
нечто большее чем толстые книги.
Чтобы утешить мать убитого
в тот же час не уверяйте ее в существовании
другого мира

разве не скажет она что видела я в мире этом.
Если грянет гром, не пугайте глухих детей
рукам слышать и видеть не пристало
Немного погода капли засочатся
из обращенных к небу ладоней.

Если вы не посадили ни одного цветка, я не прошу
вас замолчать
но говоря, что мир бретен и преходящ самую
худшую ложь

произнося не орите во все горло хотя бы.
Эй вы, поэты! Ради образности в стихе
понапрасну вещами стихи не загромождайте,
если вы не клали книги в морозильник
называя его полкой.

Довольно! Композиторы не сочиняйте
военные марши!

если вы не прочувствовали восьмую ноту.
Хилых ребят не забирайте в армию
если потом их бросите на полосу
обществом заминированную словом дезертир.
От солнца не прячьтесь в самый жаркий день
листья не прячутся разве вы не видите.

Не смейтесь над стариком живущим по адресу
улица Назыма Хикмета 12/26

если он забыл на какой улице живет
путь чиновника собирающего деньги за свет и газ
частенько проходит через эти края
Родину любить не учите меня
я наедине с собой в одиночестве и на чужбине...

* * *

Наливай, дружок,
суетиться не надо, просто наливай,
и не смотри на меня словно истукан,
знал бы ты сколько граней у брренности,
вот тебе граненый стакан,
наливай сюда,
я выпью
выпью залпом и мигом,
ибо миг есть вечность.
за вечность я и мигом выпью,
только так смогу брренность сбить с колеи,
запивать жизнью судьбу не буду,
чашу свою выпью до дна,
со дна проснувшегося подсознания
посмотрю на мир,
на тебя,
какой ты молодой,
на себя посмотрю взглядом усталым,
только так,
только взгляд усталый
скажет
и покажет как когда-то человек
большими глотками брренность глотал,
глотает,
кается,
каяться не надо вслух,
хватайте за горло пьяного таксиста,
который везет нас в никуда.

* * *

Эй, вы, забытые люди! Куда спешите?
Я только что начал вспоминать вас...

Прошлый век

Николай КЛЮЕВ (1884-1937)

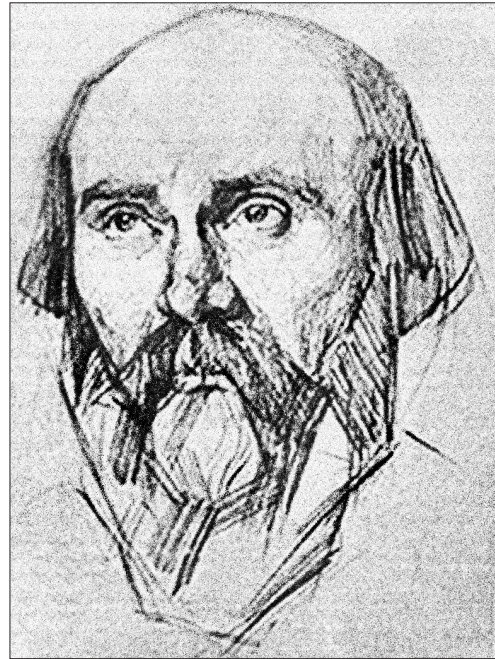
Родился в деревне Коштуг Олонецкой губернии в крестьянской семье, тесно связанной со старообрядческими традициями, оказавшими большое влияние на характер и творчество будущего поэта. От своей матери, Прасковьи Дмитриевны, унаследовал любовь к народному творчеству – к песням, духовным стихам, сказам, преданиям. Она же научила его грамоте. Учился в церковно-приходской школе, затем в двухклассном городском училище, после окончания которого в течение года учился в Петрозаводской фельдшерской школе. Ушел по болезни.

Начинаются странствия Клюева по старообрядческим скитам, монастырям. В начале 1900-х начинает писать стихи: в 1904 в петербургском альманахе “Новые поэты” появляются его стихотворения, а в 1905 – в сборниках “Волны” и “Прибой”.

В 1905 принимал активное участие в революционном движении крестьян и в 1906 в течение шести месяцев находился за это в тюрьме, после чего за ним был установлен негласный надзор полиции.

К 1907 относится начало переписки Клюева с А.Блоком, имевшей большое значение для обоих (сохранилось 37 писем Клюева к Блоку). Блок использовал эти письма в своих статьях, считая их “документом огромной важности – о современной России – народной, конечно” (“Слова его письма кажутся мне золотыми словами”). При содействии Блока стихи Клюева печатаются в журнале “Золотое руно”, “Новая земля” и др. В 1912 вышли две поэтические книги Клюева – “Сосен перезвон” (с предисловием В.Брюсова) и “Братские песни”. До революции вышло еще два сборника – “Лесные были” (1913) и “Мирские думы” (1916). Не только Блок и Брюсов заметили этого самобытного, большого поэта, но и Гумилев, Ахматова, Городецкий, Мандельштам и др. Клюев участвует в заседаниях «Цеха поэтов» и в изданиях акмеистов, посещает литературно-художественное кафе «Бродячая собака»; вокруг его имени складывается атмосфера повышенного любопытства, ажиотажного интереса, и знакомства с ним ищут самые разные люди. В 1915 Клюев знакомится с С.Есениным, и вокруг них группируются поэты новокрестьянского направления (С.Клычков, П.Орешин, А.Ширяевец и др.).

Октябрьскую революцию Клюев горячо приветствовал, восприняв ее как исполнение вековых чаяний крестьянства. В эти годы он напряженно и вдохновенно работает. В 1919 выходит сборник “Медный Кит”, куда вошли революционные стихи.

А.Яр-Кравченко. Портрет Н.Клюева.

Решающую роль в судьбе Клюева сыграла критическая статья о нем Л.Троцкого (1922), появившаяся в центральной печати. Клеймо “кулацкого поэта” сопровождает его на протяжении целого десятилетия. Поэт остро нуждается, он обращается в Союз поэтов с просьбами о помощи, пишет М.Горькому: “...Нищета, скитание по чужим обедом разрушает меня как художника”. Продолжает работать, создает несколько очень значительных произведений, в т.ч. “Плач о Сергее Есенине” и поэму “Погорельщина”.

С 1931 Клюев живет в Москве, но путь в литературу для него закрыт: все, что он пишет, отклоняется редакциями.

В 1934 был арестован и выслан из Москвы сроком на пять лет в город Колпашево Нарымского края. “Я сослан за поэму “Погорельщина”, ничего другого за мной нет”, – писал он из ссылки.

К середине 1934 Клюева переводят в Томск. Мучительно переживая свой вынужденный отрыв от литературы, он писал: “Не жалко мне себя как общественной фигуры, но жаль своих песен-пчел, сладких, солнечных и золотых. Шибко жальят они мое сердце”.

5 июня 1937 Клюев снова был арестован в Томске “за контрреволюционную повстанческую деятельность” (сибирское НКВД сфабриковало дело о “Союзе спасения России”, готовившем якобы восстание против советской власти, в котором роль одного из вождей приписывалась Клюеву). В октябре 1937 в Томске Н.Клюев был расстрелян. Посмертно реабилитирован.

* * *

Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я - королевич Еруслан
В пути за пленницей-подругой.

Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката.

Смежают сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омут, спит лоза,
В осоке девушка-русалка.

Она поет, манит на дно
От неги ярого избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка!

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан курия,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвою шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла, любя,
Небесам и земле передайте.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

Я болен сладостным недугом –
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав – ее походка,
В нагорном эхо – всплески рук,
И казематная решетка –
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер, смех, мгновенный взгляд...

О, кто Ты: Женщина? Россия?
В минуту черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какую казнь искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

* * *

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:

“Трынь да брынь, да тере-рень...”
Чу! Заутренние звоны...
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы.

В дымовище сгинул бес,
Печь, как старица, вздохнула.
За окном бугор и лес
Зорька в сыту окунула.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,
Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий.

На задворки вышел Влас
С вербой, в венчике сусальном.
Золотой, воскресный час,
Просиявший в безначальном.

* * *

Вылез тулуп из чулана,
С летних просонок горбат:
«Я у татарского хана
Был из наряда в наряд».

Полы мои из Бухары
Род растягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей Востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу заимки принес...
Нилу, седым океанам
Устье — запечный Христос».

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

* * *

Галка-староверка ходит в черной ряске,
В лапотках с оборой, в сизой подпояске.
Голубь в однорядке, воробей в сибирке,
Курица ж в салопе – клёваные дырки.
Гусь в дубленой шубе, утке ж на задворках
Щеголять далось в дедовских опорках.

В галочки потёмки, взгромоздясь на жёрдки,
Спят, нахохлив зобы, курицы-молодки,
Лишь петух-кудесник, запахнувшись в саван,
Числит звездный бисер, чует травный ладан.

На погосте свечкой теплятся гнилушки,
Доплетает леший лапоть на опушке,
Верезжит в осоке проклятый младенец...
Петел ждет, чтоб зорька нарядилась в венчик.

У зари нарядов тридевять укладок...
На ущербе ночи сон куриный сладок:
Спят монашка-галка, воробей-горошник...
Но едва забрезжит заревой кокошник –

Звездочет крылатый трубит в рог волшебный:
“Пробудитесь, птицы, пробил час хвалебный,
И пернатым брашно, на бугор, на плёсо,
Рассыпает солнце золотое просо!”

* * *

Костра степного взвивы,
Мерцанье высоты,
Бурьяны, даль и нивы –
Россия – это ты!

На мне бойца кольчуга,
И, подвигом горя,
В туман ночного луга
Несу светильник я.

Вас, люди, звери, гады,
Коснется ль вещей крик:
Огонь моей лампы –
Бессмертия родник!

Всё глухо. Точит злаки
Степная саранча...
Передо мной во мраке
Колеблется свеча,

Роняет сны-картинки
На скатертчатый стол –
Минувшего поминки,
Грядущего символ.

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горным, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листьев
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:

Разве зори – не ласка твоя,
И лучи – не твои поцелуи?

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым “молчи”,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папирасой
И плевком незабудку обжег.
Зарябило слезинками плёсо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок – лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

* * *

Огонь и розы на знаменах,
На ружьях маковый багрец,
В красноармейских эшелонах
Не счесть пылающих сердец!

Шиповник алый на шинелях,
В единоборстве рождена,
Цветет в кумачневых метелях
Багрянородная весна.

За вороньем погоню правя,
Парят коммуны ястреба...
О нумидийской знойной славе
Гремит пурговая труба.

Египет в снежном городишке,
В броневиках — слоновый бой...
Не уживется в душной книжке
Молотобойных песен рой.

Ура! Да здравствует коммуна!
(Строка — орлиный перелет.)
Припал к пурпуровым лагунам
Родной возглаждавший народ.

Не потому ль багрец и розы
Запововели на штыках,
И с нумидийским тигром козы
Резвятся в яростных стихах!

* * *

Талы избы, дорога,
Буры пни и кусты,
У лосиного лога
Четки елей кресты.

На завалине лыжи
Обсушил полудняк.
Снег дырявый и рыжий,
Словно дедов армяк.

Зорька в пестрядь и лыко
Рядит сучья ракит,
Кузовок с земляникой –
Солнце метит в зенит.

Дятел – пущ колотушка –
Дразнит стуком клеста,
И глухарья ловушка
На сегодня пуста.

* * *

Темным зовам не верит душа,
Не летит встречу призракам ночи.
Ты, как осень, ясна, хороша,
Только строже и в ласках короче.

Потянулись с криком в отлет
Журавли над потусклой равниной.
Как с природой, тебя эшафот
Не разлучит с родимой кручиной.

Не однажды под осени плач
О тебе – невозвратно далекой –
За разгульным стаканом палач
Головою поникнет жестокой.

* * *

Я молился бы лику заката,
Темной роще, туману, ручьям,
Да тяжелая дверь каземата
Не пускает к родимым полям –

Наглядеться на бора опушку,
Листопадом, смолой подышать,
Постучаться в лесную избушку,
Где за пряжею старится мать...

Не она ли за пряслом решетки
Ветровую свирелью поет...
Вечер нижет янтарные четки,
Красит золотом треснувший свод.

РОДНОЕ

Лапти новые с котомкою...
Вдоль по берегу реки
Бичевою хлещет звонкою...
Бог вам в помощь, мужики!

«Ты откуль, кормилец, — слышится
По пути, — поведай нам,
Не от Бога ль пробираешься
К обездоленным людям?»

Богоданный я, беспошлинный,
В поле нищими найдён,
От Печерских пробираюся
К Соловецким на поклон.

Посчитай, вокруг Россиюшку
Христа ради обошел,
Горше, лютее судьбинушки
Я мужичьей не нашел.

Смолк. Убогие, понурые
Потянулись бурлаки,

И вослед им долго бурые
Волны плакали реки.

* * *

Братья, мы забыли подснежник,
На проталинке снегиря,
Непролазный, мертвый валежник
Прославляют поэты зря!

Хороши заводские трубы,
Многохоботный маховик,
Но всевластной отрочьи губы,
Где живет исступленья крик.

Но победней юноши пятка,
Рощи глаз, где лешачий дед.
Ненавистна борцу лампадка,
Филаретовских риз глазет!

Полюбить гудки, кривошипы —
Снегиря и травку презреть...
Осыпают церковные липы
Листопадную рыжую медь.

И на сердце свеча и просфорка,
Бересклет, где щебечет снегирь.
Есть Купало и Красная горка,
Сыропустная блинная ширь.

Есть Россия в багдадском монисто,
С бедуинским изломом бровей...
Мы забыли про цветик душистый
На груди колыбельных полей.

* * *

Есть две страны; одна – Больница,
Другая – Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

“Ку-ку! Откройте двери, люди!”
“Будь проклят, полуночный пес!
Кому ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!”

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину...”
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев
Под хрип волчицовой трубы.
Читаю нити: “Н. А. Клюев, –
Певец олонецкой избы!”

25 марта 1937

Ереванцы

Рузанна ВОСКАНЯН

* * *

Сегодня я не буду рассказывать сказку
 для малышей –
 сегодня одноглазая медведица не станет матерью
 и три тыквы не упадут с неба.
 Для рассказчика, слушателя и просто верящего в
 рассказы
 с возрастом
 длиннеют винтовки
 и улицы пустеют, как небо.
 Сегодня я не буду рассказывать сказку
 о бегущих по улицам жёлтых листьях,
 и ты не будешь осторожно пробираться, чтобы
 украсть меня.
 Сегодня я выросла ровно на один день
 и по-взрослому уйду от тебя,
 как только почувствую,
 что у тебя нет никого,
 кроме меня...

* * *

Тишина была невыносимой,
 и я взорвала шарик,
 нелепо круглый...
 Люди крылаты,
 но крылья растут над головами вместо рогов.
 Мальчик мастерит самолёт,
 бесцветный, как день.
 Удобно устроюсь рядом с собой,
 закрою глаза
 и буду угадывать цвет дня,
 который родится завтра
 (я не скажу вместо тебя,
 что он будет жёлтым).
 А ты не подозреваешь, что я сейчас изменяю тебе.
 Я доверяю твоему неведению
 и даже на секунду не допускаю мысли
 сбежать от тебя...
 Болота разрастаются,
 и, взлетевшие,
 по-дурацки, быстро тонут.
 Я открываю крылья!
 Запомни этот миг –
 Бесцветный, как день...
 Тишина осторожно бреет голову,
 земля съеживается от укола иглы.

* * *

Две руки, столько же ног
 и одна голова...
 Я перепису себя под тебя,
 а потом отброшу
 эту глупую привычку...
 Тайно приласкай меня,
 размазывая шоколадные ночи
 по синим стенам.
 В поношенной накидке
 присядь рядом
 и дай мне почувствовать,

что я единственное твое сокровище...
 Я переделаю себя под тебя...
 Согрей руки, мокрые руки
 в рассыпанных на полу листьях,
 и зашуршит вдали осень,
 как в одном знакомом нам фильме...
 Две руки, столько же ног
 и одна голова...
 Я перепису себя под тебя
 и изорву...

Переводы Елены Шуваевой-Петросян

Эдуард АРЕНЦ

* * *

Я – жизнеописание
 Божьих сожалений:
 он часто оскальзывался на следах моей судьбы.
 нервы боли, обернувшись птицами,
 выклевывали апельсины
 из слогов моего предназначения...
 Потом, луча сожаления
 торжественно придерживаясь,
 Бог яблоки в моих ладонях
 искал,
 и праздновалась так моя годовщина,
 ведь
 я жизнеописание
 Божьих сожалений...
 Но
 яблок не упало с моих обрубленных ребер,
 он завещал их
 змею, Еве, Адаму,
 которых потом изгнал из райских садов.
 И позабыл взять
 несколько семян.
 Вне рая
 Траектория Фрукта исчезла,
 подобно
 перпендикулярному финалу метеорита...
 И ангелы,
 поскольку не могли не простить Бога,
 то
 решили забыть меня,
 поскольку я жизнеописание
 Его сожалений.

ОРГАН

Ангелы
 пьют зеленый коньяк
 с красным хлебом...

ПРЕДИКАТИВ ДУШИ

И поддень твой,
 в мареве твоего же дыхания,
 отделяющий тебя от тебя,

повисший на твоих трещинах
причастный синий оборот,
где с двух сторон запятые
Боль и Цветок...

* * *

Я поэт и
бедняк,
я присматриваю за ангелами...

КОПТ

Быть левшой, когда пишешь по-арабски.

**ПОСЛЕДНЯЯ НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СУРА
КОРАНА**

Всемогущий и вселюбящий Господь
Предварительно
Вырвет Нагибу Махфузу
Глаза, чтобы Нобелевская премия их
Не выела...
Аллах Акбар.
Аминь.

ДАРВИН

Прекрасным флористом был алхимик Габриэль
Каждую ночь
после очередного ужина
из дому возвращаясь в свою берлогу
он срывал придорожные нарциссы,
из вареных лепестков которых
платки вязал для Бога:
по углам
по одной
пропитанной синими советами по
очеловечиванию
ангельской клетки,
в качестве оберега от сглаза...
Кошачий мяв –
Это поллюция клетки.

ПРИЗНАНИЕ

Величайший мой грех вероятно
Неспособность распятыю твоему поаплодировать...

**ФОТОСИНТЕЗ НАРЦИССА НА ФОНЕ
ЛАКМУСА**

Перед сном
ангелы
читают Нарекаци
для Бога.
Летаргическое пробуждение...

МАГДАЛИНА

Верни мне камни,
которые я бросил в тебя:
в стенах моей спальни есть щели
пустующие...

* * *

Ты и сама отлично
понимаешь,
что нынче
не прекрасны времена,
и времена года
не так уж благоприятны,
для моего наилучшего перевода...
Но ты...
благоухай
и в самостоятельных ангельских языках
не спотыкайся так,
тебе не идет
в своих любовях деепричастное покаяние...

ИЮЛЬ

С пронизательностью любовницы, которой
изменяют,
солнце опалает
полнодышащие капилляры шелковицы,
плодоносящей,
словно жертва любви –
на беспутных клинках тротуаров...
Один сбор винограда за другим, смиренный
лист ревнует дерева
наготу,
по стыдливим ступенькам которой
аромат возносится на ветви,
как будто
летний бессмертный канатоходец.
Водку сводит судорогой по всему городу:
как водяной канат,
по которому беспечно прогуливаются
депрессивные рыбы,
раздающие челоуеков
посреди улиц...
Утро – из дырявого кармана августа
склоняющийся
наречный суффикс.

Перевод Анаит Татевосян

Гурген ХАНДЖЯН**БЛЮЗ-КОЛЛАЖ ДЛЯ ТИБЕТСКОГО ДОГА**

Когда я очнулся ото сна, вся шея у меня была в
слюнях, обильно ими вымазана, и эти вязкие
слюни источали странную смесь запахов молока,
мацуна, цветов и трав... и к ним примешивался
еще какой-то еле уловимый запах, который,
казалось, шептался с кем-то затаившимся у меня
внутри, но вовсе мне не знакомым... Нет, какое-то
чувство времени от времени все-таки поднималось
из глубин моей души, как, скажем, блестящая
чешуя белой рыбы вдруг прорезала бы водную
гладь, или, скажем, как тепло исходило бы от
невозмутимой илистой водной поверхности в
прохладный вечер. Я обтерся платком. Тонкая
ткань промокла. Шея была, действительно,
в слюнях. А мысль моя была неясна, словно
извилины моего мозга тоже обволакивались все
тою же слюною. Надо бы побриться... быстро,
бриться. Не электрической... обыкновенной

бритвой, намылившись мягкой белой пеной. Вот так, чисто-чисто... так гладко, чтобы даже муха поскользнулась. Однако там, где была слюна, сохранились белые пятна, если только зеркало не лжет... Похоже на родимые пятна или на экзему... или на клеймо, ведь если присмотреться, можно заметить письмена, похожие на арабески, а, может быть, это я сам пишу затуманенным взором, устремленным сквозь слюну, обволакивающую извилины моего мозга. Слышу тяжелые вздохи - давно уже слышу, но стараюсь не замечать... вот теперь слышу. Дверь полуоткрыта. «Распахни дверь и посмотри, кто там». Нет, нет никого. Спокойно. Впрочем, на полу мокрое пятно размером с собаку, и слышится смесь запахов молока, мацуна, трав и цветов... и еще какой-то еле уловимый запах... Запах тянется за следами, что на пороге, на лестничных ступенях, у парадного входа, на улице... Девочка с бронзовыми серьгами шлепает голыми ступнями по асфальту... мышцы спины напряжены (маленькая пантера), словно ощущает мой взгляд. В воздухе витают клочья шерсти, а, может, тополиный пух. У стены женщина взбивает шерсть гибким тополиным прутом. Сокращаю дистанцию между мной и девочкой и слышу, как она тихонько поет:

«О, святой Тибет! Ты высок и далек,
А Молосский дог живет в твоих глубоких
ущельях...».

Она поет, и пряди волос колышутся на ее загорелом личике, на плечиках... она поет, потом кусает хлеб, что у нее в руке и, не прожевав, продолжает петь. А в воздухе разносятся тяжелый вздох, тихое поскуливание.

– Это что за песня? – спрашиваю я.

– Блюз, – отвечает она, – Молосский блюз. Мой дедушка пел.

– Твой дедушка негр?

– Совсем нет. Обычный армянин. Правда, он был очень смуглым.

Она поманила меня рукой, предложив присесть, и когда я опустил на колени, обняла меня за шею и пропела мне на ухо:

«Я искал в Тибете Молосского дога,
Однако Далай Лама преградил мне путь.
Глупец этот Лама, в голове у него нет мозгов...».

Сквозь затуманенное горячим ритмичным дыханием сознание я ощутил, как слюна стала заливать шею за ухом. Вздох. Песня. Вздох, слюна, вздох, слюна... Потом я открыл глаза и... девочки не было, только по асфальту убегали следы... а вдали, на фоне кровавого солнечного диска, развевались пряди волос... и еще мерещились желто-зеленые глаза, чей взгляд был одинаково глубок и когда направлен внутрь, и когда вовне... подчас неуловим, но и осязаем, как тепло, поднимающееся с поверхности озерца в прохладный вечер... различим, как затаившаяся от выстрела куропатка бывает различима на фоне травы и камней, если только смотреть очень внимательно...

«О, святой Тибет, ты высок и далек!» - запел я, заметив, как на сером асфальте у кафе выделяются мои коричневые ступни. Кубики льда с хрустом

ссыпаются в высокий стакан. Жажда.

– Дайте тан! – зову я.

– А мне коку! Угостишь? Я тоже хочу пить!

– Только с условием – петь ты не будешь!

– А вот и буду. Отчего мне не петь, буду петь!

– Нет, не пой.

– Нет, буду петь! Уже пою, я придумала новый блюз, вот слушай!

«Моя любовь живет в Аштараке, он покинул меня,
И если он не вернется, я отправлюсь на мост.
Орех Аштарака, сапог Амаяка, Амаяк джан...».

– Ты куришь, – поразился я, глядя с какой привычной жадностью она втягивает дым.

– Ну, я же взрослый человек, просто ты не замечаешь.

За стеклом стакана ее здоровые зубы кажутся в несколько раз крупнее обыкновенных. Она выпила колу, с силой грохнула стаканом о стол и, пока я поднимал с пола пепельницу, исчезла.

Куда она пошла?.. неужели на мост? На какой мост? Вот же мост! Самый удобный этот. Вокруг меня в горячем воздухе разнесся вздох, тихое поскуливание. Это самый высокий, а значит, самый удобный мост. А вот и следы - четыре-четыре, четыре-четыре... А вот и чугунная балюстрада. Но нет, кажется, до балюстрады она не добралась, да и вода внизу безмятежна, не потревожена... какой-то смуглый до черноты дедуля на берегу ловит рыбу на спиннинг... и все.

Где же она?.. Эй, где ты?..

«Здесь я! Да что же ты никак не ориентируешься, я в этой стороне, вот здесь... Да нет же, в ту сторону смотри. Снова не видишь? Да ты просто слепой, и как ты до сюда-то дошел. Подойди к перилам, подойди... сейчас я тебе новую песню спою».

– Нет! – закричал я и убежал.

Однако пока я удирал, песня звучала в моих ушах:

«Когда женщина грустит, то склоняет голову и плачет,

А когда мужчина грустит,

То садится в поезд и уезжает».

Поезд? Конечно. Вокзал, поезд. Вагон, купе, окно. Соседи?.. Вот двое... нет, три соседа. Третий (а, может, первый или второй) свернулся калачом у меня над головой, не заметил его. Все неподвижно: соседи, поезд, вокзал и даже я. Я движусь вне себя или только в себе, а чисто внешне я неподвижно сижу у окна и даже не мигаю. А поблизости раздастся лай, и этот лай кружит вокруг меня, приближаясь:

«Я из племени Молосов, но на Алагязе я живу,
Живу я на Алагязе и вам прекрасную песню пою.
Это блюз овец алагязских, овечий блюз...».

Из коридора потянуло овечьим духом, песня-лай прекратилась, однако слюнно-молочный вздох был еще слышен. Горячий, влажный и шершавый язык прошелся по моему затылку, потом исчез и он, прихватив с собой вздохи и запахи.

– Куда это мы едем? – спрашивает мужчина напротив. Мы смотрим из одного окна, однако, под разными углами. Впрочем, откуда ни смотри –

ничего не меняется.

Ему никто не отвечает, и он больше не повторяет свой вопрос. У него такой удовлетворенный вид, будто ему все-таки ответили. Поезд стоит, так и не тронулся. По коврику в коридоре шлепают чьи-то босые ступни... Сквозняк заносит в купе дождь волос. Она садится мне на колени, и крепкие загорелые ноги обхватывают мою спину. Она улыбается всей глубиной своих желто-зеленых глаз, в которые я боюсь пристально взглянуться. И все-таки я смотрю... Там все движется, полно игры, полно иронии... там видятся бесчисленные жертвы, однако насилия нет, нет трагедии. Среди жертв начинаю мелькать и я. Видны отдельные части – нога, рука, профиль... В надежде спастись я резко отвожу взгляд. Она смеется. И мне в лицо бьет букет запахов молока, мацуна, табака, цветов... Она поет странным грудным голосом, к которому примешаны голоса птиц, собак, кошек, слонов и еще голоса молока, цветов и трав:

«Моя единственная любовь живет в далеком Тибете,

А карман оттягивает голый пистолет.

И я буду стрелять в Ламу, если он мне помешает найти его».

– Где твой пистолет, – спрашиваю я.

– Здесь, – отвечает она, засовывая ладонь между ног. – Выстрелить?

– Стреляй!

– Жить хочешь?

– Хочу!

– Бааа-баах! – стреляет она. – Ну, так живи!

В голове у меня все перемешалось – времена, ассоциации, пространства, тождества... Потом волна хаоса схлынула. Я протрезвел. Но ее уже не было. Но вокруг слышатся вздохи, моя шея оголена, и на коже следы от слюнявых клыков. Поезд не трогается.

– Вроде, приехали, – замечает сидящий над моей головой большой петух.

– Да, вроде... – отзывается курочка у него напротив.

– Точно, приехали, – ставит в разговоре точку индюк у меня напротив, и все сходят с поезда.

Я тоже схожу. Панорама привокзальной площади не имеет перспективы, все образы лепятся-клеются друг к другу. Двуглавая гора тоже на своем месте, и море было бы здесь, если бы только гора была прозрачной. А потоки обильно сходящие со склонов гор достигают и сюда, обрушиваются на всё и вся... вот и ворон, воркуя летает над нашими головами, вместе с ним кружит голубь, укоризненно каркая. «А мясо у этой дикой птицы очень вкусное!» – слышу чей-то слабеющий голос и смачное чмокание. Голос как бы клеивается в общий гвалт. Все принадлежит мне, и я принадлежу всему... если рассматривать с точки зрения обладания. Хотя, если убить в себе желания, то восприятие станет куда более неожиданным и интересным: все в тебе, и ты во всем. И все одинаково, безмолвно, нехотя и безвольно кружит во времени, будто в ритмичном зное пустыни. И движемся мы то ли к концу, то ли к началу... не разобрать сейчас, да и лишено все это смысла. Прекрасный виток... такое чувство испытывает ребенок, впервые попавший в сад развлечений. Выворачивает

наизнанку внутренности, сердце похоже на жабу, расквакавшуюся в неподвижных летних водах. Неужто будет Встреча. Нет, Встреча все испортит, все это прекрасно в своей бессмысленности.

Однако неожиданно поступающее желание в мочевого патрон сразу начинает отсчет времени во вселенной, в ее существовании уже есть смысл.

Какое-то ничтожное желание все портит. За сеткой, за собой слышу собачий вздох и тихое поскуливание. Где это ты бегал, бесстрашный отпрыск молоссов?.. испугался безвременной прогулки, предатель? Да не лижи мне руку, видишь, она занята! Да не тяни...

На зеленой траве разложен древний ковер.

Ритм его узоров мне напоминает мою недавнюю прогулку. На ковре лежат обсидиановая пепельница и курительная трубка из абрикосового дерева. Усаживаюсь, поджав под себя ноги. Две горячие руки обвивают мне шею, две горячие груди прижимаются к моей спине, пара острых клыков протыкают мою кожу, и тоненькие ручейки крови начинают струиться по моей груди... Из струящейся крови доносится тайный шепот. Кто и что присутствует в этой крови, какова стремительная сила ее шариков, каково их свободное течение. Груды отрываются от моей спины, оставляя в душе сожаление, правда, сразу же появляются перед моим взором, и я начинаю размышлять – видеть ли их лучше или только осязать. Она усаживается мне на колени, вынимает у меня из руки и кладет на ковер курительную трубку, потом окровавленным ртом до крови сильно целует меня в губы... вкус крови, вкус молока, вкус полевых цветов...

Смотреть в глаза опасно. SOS.

– Закрой глаза, – обнимаю ее.

– Свои закрой, – спокойно предлагает она.

Но уже поздно... я пойман и вижу горы, расщелины, деревья... А вот и молосы, преследующие с бешеным лаем окровавленную жертву. Ей уже конец, она и сама знает, однако продолжает бежать – игра смерти, без сомнения, должна проходить так, как заведено от века. – Поезд так и не тронулся, – сказал я, еле-еле отрывая взгляд.

– Когда ты сошел, неужто ничего вокруг не изменилось?.. все было по-прежнему?

– Изменилось.

– А ты говоришь, что не тронулся. Хочешь, погадаю? – спросила она.

– Я вспомнил один блюз... отец пел, – сказал я и начал петь: «Я отправился к цыганке, чтобы узнать свою судьбу. Она посмотрела мою ладонь и сказала, да ты безнадежный неудачник, чавале».

– Не слушай цыганок, слушай меня!

– А ты как станешь гадать?

– Я просто залезу на вершину вон того тополя и оттуда увижу твою долю.

Ее эластичные, гибкие ступни взбираются по коре дерева над моей головой. А я время от времени успеваю лизать эти ступни. Она хохочет: «Не щекочи, упадем!» «Ну что, показалась моя доля?» – спрашиваю я. «Нет еще. Не спеши, мы добрались только до половины» «А я и не спешу. А сейчас показалась?»...

Тбилисцы

Мераб ХИДАШЕЛИ

МЫ

*“Сердце мое
способно принять любую форму.
Для стихов оно-чернила,
для монахов-монастырь,
для идолов-капище.
Оно-и Кааба паломника
и свиток Торы, и лист Корана.
Я исповедую любовь.
Куда бы ни направился ее караван-
там мое исповедание, моя религия
и вера.*

*МОХИДДИН ИБН РАБИ
“Толкование желаний”*

Мы оплачиваем жизнь болью – и плата обязательна!

Мы смертники на помосте, и Господь зажжет для нас последнюю звезду в
поднебесной!

Мы решаем уравнение любви!

Под ливнем дробным вкушаем необратимость.

Всемирное свидание с любовью состоится, и поцелуй вечности, как вспышка
великолепной тревоги, накроет нашу МАЛУЮ СМЕРТЬ!

Былое бредит, щелкает по щеке нашей тайная слеза, что незрима и незряча в
падении в разбухшую в пыли тишину.

Мы миллиарды глаз в орбитах столкновений с темнотой далекой подруги!

Как ты постарела, наша старая дверь!..

Мы кормим мрак, и голос наш – ОЖОГ ДЛЯ КОСМОСА!

Четыре стены наши... Четыре – безнадежно точная, но не вечная цифра наших
путешествий...

Цокаем по мостовой ржання демонов, и безошибочно метят нас ворота всех
проходов в иное.

Притворимся, что не грустно нам, пусть наше голосащее одиночество

задержится в золотых тисках СЕМИ ГОРИЗОНТОВ и вывернет нас наизнанку ЗДЕСЬ
И СЕЙЧАС!

Мы настороженно-чуткие глухие, пожелтевшие с годами от неправильных
биений сердец.

Наши сердца, как стаканы, полные стружками боли, и кончики пальцев наших ищут

замочные скважины бессмертий...

Мы притихли в храпе дорог, мы реки в разливах, очаги в вулканах нервов и вечной жажды, что дробит нас до увечий.

Мы все перед ликом Любви, мы праведники без терниев, возлюбленные ТРИЖДЫ, усталые руки с парюю спичек для случайных прохожих.

Мы потеряли свою тень при частых пожарах души, и она, как четкое эхо кнута, прилегла у наших непомнящих ног.

Мы рваные ботинки от слякоти чистой воды, утоляющей голод.

ОТЧЕ, тела наши, как бескрайняя цепь уходящих в бесконечность калек, из омута в омут, и это алиби для отсутствующих!

Мы безликие камни движений слитных, но бесследных!

Мы неразлучны и ненавидим общий ужин смерти!

Наши горла покорны именам черных дней, и пьем мы за счастье людей, хоть несчастны!

Животная усталость собирает перлаты собачьей судьбы, и все отзвуки голосов тоскуют без нас, и нет ничего, истощенней, чем наша Любовь!

...НО МЫ ВСЕ-ТАКИ СОВЕРШАЕМ БЕЗРАССУДСТВА ВЛАСТНЫХ НОЛЕЙ!

Наши отряды, убогие безответные легионы, запуганные мольбой двойных дул ружей, делают невообразимые рывки в пропасть, в последней надежде

ВЗМЫТЬ!

МЫ ПАЛЬЦЫ НА БРОНХАХ МОЛНИЙ, В НАШИХ ТЕЛАХ ВСЕ МИРЫ БЕЗ ПОНУКАНИЙ ВЫСШИХ!

МЫ ВЫСОКИЕ, СИРЫЕ РИСУНКИ В ОРНАМЕНТАХ БОЖЕСТВЕННОГО БЛЕСКА, СКОМКАННЫЕ,
НО НЕПОБЕДИМЫЕ ПРИСУТСТВИЕМ ОТЦА!

ДОПУЩЕННАЯ КАТАСТРОФА

Мне нечего было жаль вечером...

Грусть была полна силой и сполна чувствовала себя комфортно в моей, полной запаха жареных каштанов, комнате...

Моя машина охотно подъехала к дому моей матери...

Снижающий индугенцию ветер стихал, как плач здорового ребенка, и восьмизэтажка пахла стряпней матушки...

Машина села рядом, ожидая замысел хозяина. Мотор качал, как мое сердце, кислород, охотно отдавая угар...

Мать не показывалась...Я звал мою старую подругу с первого этажа еще 15 минут, как обычно...И вдруг...

...вспомнил: ОНА ПОКИНУЛА МОЙ МИР 5 лет назад...

Мне впервые за тридцать лет стало страшно.

Одиночество, никогда не причинявшее боль, вдруг ужалило, как мамба, и его черная пасть скрылась в гипертрофии свернутого, как тромб, сердца...

У МЕНЯ НЕ БЫЛО МАТЕРИ. И ВЕЛИЧАЙШАЯ ДОЗВОЛЕННАЯ, ДОПУЩЕННАЯ КАТАСТРОФА ПОТряСАЛА...

КАРАМОДЖА

Ябедник с откидным верхом сообщил мне НОВЫЙ СПОСОБ САМОУБИЙСТВА:
БРОСИТЬ ТЕБЯ!

Явный Ядохимикат – ТЫ, ядерное нашествие твоей сущности сделало из меня
Наркомана...

И БРОСИТЬ ТЕБЯ – жуткая ломка, что начнется болью и кончится Смертью...

МЫ – ТИОЦИНАТ РТУТИ и сжечь нас – не уничтожить, но создать Новую, жуткую
форму НОВОСТЕЙ ВСЕЛЕННОЙ...

ТВОЯ ЯГОДИЦА – мокрое, потное доказательство преступной ночи, ягнится
комнатой яйцеклеток, ГОТОВЫХ К ФЕЙРВЕРКУ...

ЯМЩИКОВАЯ ЖИЗНЬ МОЯ ПАХНЕТ ЛОШАДЬМИ, И ВНОВЬ ЯНЫЧАР Я, НЕ РУКАМИ,
НО ЯЙЦЕ-МЯСНЫМ НАШЕСТВИЕМ ЯРОСТИ, безразличный к Ящероптицам, но
любящий воробушек...

Ясно выражаюсь я, и Поэзия моя – Ятаган Гиперборейцев...

ЕСТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОСТИ У МЕНЯ ВИНИТЬ СЕБЯ И ВСЛЕД, КОГДА ЭТО ПОЛУЧАЕТСЯ.

Дрожать, когда плата обязательна, и любоваться, когда ПОДОЗРЕНИЕ –
ЛАСКОВАЯ ХРОНИКА НЕДУГА, ПОД НАЗВАНИЕМ ПЫЛКОСТЬ.

БАБУШКА ДЛЯ НЕПОМНЯЩИХ

Не могу вспомнить. Может быть, некоторые детали для реконструкции детской истины не так важны?
Идентификация кожей и постоянной любовью.

Походка, начатая с восходом, и рука, теплая на ощупь, и ощупь, доведенная до высшего
покоя, и силы неприкосновенности ступней. Запах, из которого творят ладан и подобное
ладану. Черный цвет контролируемого траура и ослепительная белизна кисти конопатой руки самой
красивой женщины Земли.

Поцелуй около левого уха и умиротворение на весь день, и жар тепла, комкающий лицо
шестилетнего мальчика, и ожидание следующего поцелуя, и абсолютная информационная ясность
благодарности. Лучший подарок Господа на Рождество, и расчески глядящих правильных
привязанностей, и невидимое тату точно посередине тела, вблизи от будущих взрывов любви и
чести. Что-то скомканное около пупка, и постоянное желание быть рядом. Маленькие черные
глаза, смотрящие с намерением действенной любви, и прямая до вытяжки спина с походкой
силы.

Хотелось просыпаться утром, когда она подходила к кровати и проверяла ровность сна. Я
хотел быть ее сыном, но она была моей бабушкой.

В личных воспоминаниях нет картины более ясной, чем Магда, более светлой среди людей,
более красивой среди женщин, более слитной и до конца понимающей маленькую, но остро
осознающую мир личность.

После шести лет мне не хватало ее каждый день. Ее покой и сила поддерживают всю мою
геометрию, и хочется целовать ее руки, маленькие, цепляющие весь мир и полностью
поглотившие внука.

Она прожила с честью на прямой спине. Знала, когда умрет. Шершаво-белая кровать и две

подушки под головой. Последний подарок – медвежонок серого цвета с бабочкой на шее. Ее руки в последний раз изучили мое тело, и последние слова – жить непохожим ни на кого, с честью. Сделать что-то ясное и новое для людей.

Она перешла в другой мир без затвердения, без боли и страха.

Не хотелось жить после нее. Было трудно без ее света. Меня больше не любили так, да и я не мог любить никого так.

В 44 года я вспоминаю, явно концептуальное детство – до восьми лет...

Дальше ромашки – люблю – не люблю – и т.д.

Магда ушла, оставив всю свою человеческую любовь внуку, и ноша моя была счастьем.

Я люблю тебя, Магда...

СВИНЦОВЫЕ ПСИХИАТРЫ

Посвящается Нике Турбиной

...У меня в комнате, вот уже 20 лет, висит цветная фотография маленькой, красивой посланницы Бога-Никуши (Ника Турбина).

...Она ушла, умчалась, улетучилась, прикоснулась к Земле, взрыв строфами место падения, телепортировалась...Какая разница как и в каком состоянии!

...Вновь феерия глупых высказываний, ненужных рто-плечо-ляжко движений, скомканых роже-пасквиелей, лже-репортажей о Ангеле; она не показывала своих крыльев?! – Мы просто их не видели!!!

Наше сознание застряло или над, или под юбкой, и это мы называем отношением!

У нас глухие уши, слепые глаза и наши “руки-поводыри” годны лишь для писсуаров.

Много шипения:– кто ж ее убил, и что общество переборщило в визуализации Ангела; –

– А я спрашиваю: – КТО ЕЕ ЛЮБИЛ?! – лишь один человек, обозначенный Нами ГРАЖДАНСКИМ МУЖЕМ, ТЕРПЕЛ, КОГДА ОНА ХЛОПАЛА КРЫЛЬЯМИ И ЛОМАЛА СТЕКЛА МАШИНЫ!...и ВСЕ... Мы любим споры о Боге, о Ангелах, о потустороннем, как будто бы ЭТОСТОРОННЕЕ для нас ясно!

Мы пустые, холодные дикобразы, не чувствующие прикосновения нагих холодных тел.

Мы трусы, обзывающие героев, уроды, уничтожающие красоту. Мы строки, отрицающие блистательную поэзию и Вселенскую боль!

Никушу никто не убивал! Она просто попала на планету слепых и свинцовых психиатров, попала и упорхнула, а весь остальной вздор про испорченный механизм “заводного апельсина” подделка нашего иллюзорного сознания.

Никаких эпитафий и заутренних речей, никаких психо-евнухо-транс лекций, нам не дано

понять ВЕЛИКИЕ ПОДАРКИ ВЕЛИКОЙ ЛЮБВИ, вот и все!

ИСТОРИЯ ПАДЕНИЙ НА ДИВАН “ИЗ ЗЕЛЕННЫХ СЛЕЗ” ПРОДОЛЖАЕТСЯ!..

КАДР 3

Не знаю, что надо сказать, когда
Мокнут брюки от внезапности дождя и
Небрежности шагов, принятых соседями за
Грубость, и не знаю, где объяснение,
Когда мозг сознательно проектирует тупость.
Не знаю, что такое доверие,
Когда сомнение,
Как самомнение,
Как сломанное ребро, напоминает про боль,
И морфий, что уносит волнение,
Одевает в пурпурное саморвение.
Я не знаю, как быть, и ненависть моя
К себе, как триумфальное
Обвинение, и суд не для понятых.
Суд, как зеркало эшафота, где
38 лет назад казнили воина на
Два фронта и схоронили в День Святых.
Не знаю, где дорога, когда струя
Смывает след того, кто
Когда-то родил мой бред,

Того, кто крикнул: – Тебя здесь нет!
Река смывает жалость злобы, и пролитая
Пресная ткань из легких теснит все
Вожделение и осквернение, как златоуст
В толпе рождает стремление – покончить
С жизнью ради снов.

ВЫСШАЯ ИСТИНА

Мы слишком реальны, чтоб еще и оправдываться!

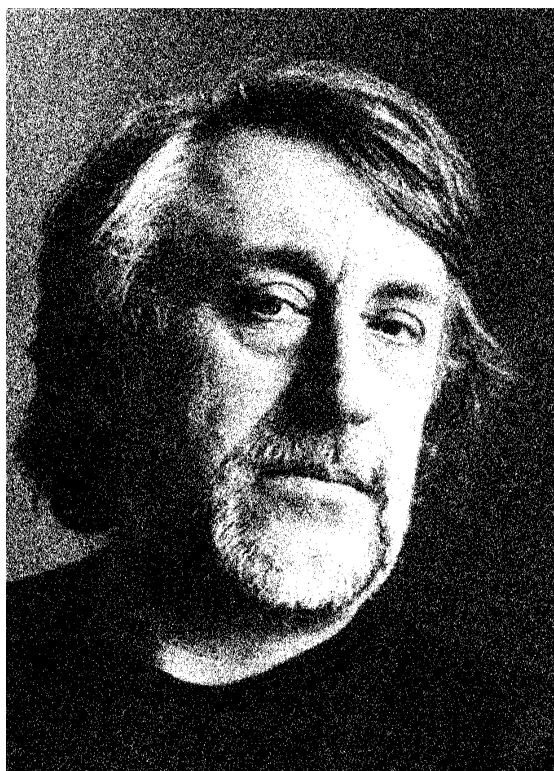
ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Чувствовать жизнь тотально,
ожидать смерть ежечасно!

Гость

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Родился в г. Рыбинск, (1947), в семье интеллигентов. Окончил искусствоведческое отделение исторического ф-та МГУ (1971). Работал экскурсоводом и музейным работником на Соловках, в Кирилло-Белозерском монастыре, в Мураново и др. Был одним из основателей неформальной поэтической группы СМОГ. Впервые опубликовался в 1970 г. в сборнике "День поэзии". После открытого письма по случаю второй годовщины высылки А.И.Солженицына (1976) подвергался преследованиям со стороны КГБ. Участвовал в неподцензурном альманахе "Метрополь" (1979), печатался в эмигрантских изданиях. В 1981г. в США вышло его "Избранное", составленное И.Бродским. В 1982г. эмигрировал, жил в Париже, где в 1983г. выпустил книгу стихов «С последним солнцем»(послесловие И.Бродского. Был членом редколлегии и составителем лит. отдела журнала "Вестник русского христианского движения". В 1990 вернулся в Россию, работал в журнале "Новый Мир": зав. отделом публицистики (1995-2000), зав. отделом поэзии (с 2000).; Член.-корр. Академии российской словесности (1996). Автор двух десятков поэтических книг, лауреат многих литературных премий, среди которых Премия Александра Солженицына (2003) и Новая Пушкинская премия (2006). Произведения переводились на английский, немецкий и французский языки. Живет в Москве.

* * *

Россия ты моя! И дождь сродни потопу,
и ветер в октябре, сжигающий листья...
В зашивленный барак, в распутную Европу
мы унесем мечту о том, какая ты.

Чужим не понята. Оболгана своими
в чреде глухих годин.
Как солнце плавкое в закатном смуглом дыме
бурьяна и руин, вот-вот погаснешь ты.

И кто тогда поверит
слезам твоих кликуш?
Слепые, как кроты, на ошупь выйдут в двери
останки наших душ.

...Россия, это ты на папертях кричала,
когда из алтарей сынов везли в Кресты.
В края, куда звезда лучом не доставала,
они ушли с мечтой о том, какая ты.

ФОТКА

Всегда окраска Хамелеона
на дню меняется много раз:
то голубые морщины склона,
а то песочные, как сейчас.
Ты хриповата, и я басистый,
и всю дорогу до дому нас
пас целый выводок шелковистых
пугливых бабочек в ранний час.
Палило солнце огнём кремаций.
Сорили гривнами кто как мог,
хмелил поелику дух акаций,
алиготе, можжевельник, дрок,
йод спящей массы аквамарина.
Автобус жабрами дребезжал.
"А я люблю Александра Грина".
А я не рыпался, поддержал.
И лишь в мозгу кое-как крутилось,
что зло всюду наступает и
его количество уплотнилось,

и сдали Косово холуи.
 Стволы в лохмотьях седой коросты
 и виноградники без теней,
 напоминающие погосты
 военных дней.
 Крым не украинский, не татарский
 и не кацапский — среди зимы
 в платках, повязанных по-корсарски,
 тому залогом на фотке мы.

1999

СНЫ

Зимою — впадиной каждой, полостью
 пренебрегавшие до сих пор
 льды заполняют едва ль не полностью
 речные русла, объем озер.
 Лишь луч, нащупавший прорубь черную
 там, где излуки в снегах изгиб,
 работу видит локомоторную
 мускулатуры придонных рыб.
 Россия! Прежде военнопленную
 тебя считал я и как умел
 всю убеленную, прикровенную
 до горловых тебя спазм жалел.
 И ныне тоже, как листья палые
 иль щука снулая блеск блесны,
 я вижу изредка запоздалые
 неразличимые те же сны.

ПРОВОДЫ (1967)

Под соснами на белом холоде
 пивком и слипшеюся сушкой
 когда-то провожали молодость,
 подняв воротники, с подружкой.

Она казалась худощавее,
 когда затягивалась шипкой,
 и, чувствуя свое бесправие,
 потом кривила рот улыбкой.

Тогда в родной тмутаракании
 нас окрылял не красный дома,
 а полосатый стяг на здании
 заокеанского обкома.

Ещё искали смыслы ощупью
 и были все вокруг живые,
 стихами, годными для площади,
 срывали связки горловые.
 Та мезонинная окраина
 с пивнушкой в конце аллеи

занесена, точнее, впаяна
 в труды и дни, и пропилеи.

Недаром вместе с гулом улицы
 вдруг настагает на рассвете
 вкус наших ласк, свободолюбица,
 и никотина в сигарете.

ЖАРКОЕ ЛЕТО 2010 ГОДА

Дм. Сарабьянову

Не только древние могут
 держать на огне ладонь.
 За пеленою смога
 посверкивает огонь.
 Но нашего, други, братства,
 взятого им в тиски,
 ещё серебрятся
 последние колоски.
 Словно далёким летом
 у щуплого пацана
 в банке с нездешним светом
 и завитком вьюна,
 ещё в черепной коробке
 гуляют слова-мальки.
 Хоть мир похож на раскопки,
 а люди – на черепки.

СУМЕРКИ НА БОСФОРЕ

Сухогрузы, баржи и разная мелюзга,
 напоминающая издали джонки,
 дрейфуют
 в ожиданье прохода через Босфор.
 И уже зажглись огоньки.

В золотом пространстве Святой Софии,
 мнится, рыцарь,
 похожий на ослабленного зверька
 или космического пришельца,
 распатронивает добычу.

Но – надо знать места:
 ещё в закутах цела
 чудом парча мозаик –
 глаз не оторвать от несказанной их красоты.

Страшно за будущее,
 за Богородицу в алтарной абсиде,
 за благородство её архаики,
 за православный люд,
 и там и тут
 сжимаемый до фрагментов мозаики

* * *

Недавно, когда гостевал у турок,
 круглые зеленоватые абрикосы
 на испещрённом орнаменте блюде
 издали посчитал за сливы.

Но Святую Софию узнал я даже
 в окружении минаретов, без креста,
 с бесформицею фасада.
 Как в 15 лет у себя на Волге
 увидел её в неподъёмном томе,
 так, оказывается, и помнил,
 и хранил нетронутою в подкорке.

А уж как вошёл я в её пространство,
 как увидел все паруса, абсиды,
 купол — без преувеличения свод небесный,
 лишний раз уверовал в правый выбор
 веры в византийском её изводе...

Схожи крики чаек и муэдзинов,
 птиц, укоренённых в магометанстве.
 Облаков громоздкие цеппелины
 висят в сумеречном пространстве.

Да, сегодня я по-иовьи плачу,
 а, вернее, плачем Петра страстною
 ночью пятничной пыточной и холодной,
 не по разу пережитой, родною.

Много ли осталось и от России?
 Неназойливости её природы,
 уж не говорю о потерях
 в живой силе — они несметны.
 А оставшихся доживает порча
 и ворьё, как вороньё на поле,
 не остывшем после ничейной сечи.

Неужели ж е р т в а не из попутных,
 пусть и обязательных средств к спасенью,
 а сама является целью, смыслом,
 промыслительного пути итогом?

* * *

Что узнала душа зэка,
 чьё тело с биркой
 осталось в замороженной яме,
 не догадываюсь никак.
 Быть может, ей уже и не надо
 было спрашивать ни о чём.

Но мы-то тут проживаем в недоумении,
 которое есмь соблазн:

ибо простой вопросец –
 зачем же так? –
 мешает чистосердечному покаянию,
 вводит в прелесть,
 что всё тщета,
 и мешает духовной мобилизации.

Живём в сомнении, в расслабухе:
 одно дело – праведные байки
 про «жизнь после смерти»
 заокеанских баптистов,
 побывавших в коме
 на проглаженных простынях,

другое – смерть Мандельштама,
 несметных узников лагерей.

Своими сомнениями
 совестно мне делиться,
 выставляя на всеобщее обозрение
 йоту веры своей,

но во мне они, что кислоты,
 разъедающие остаток дней.

* * *

Раскидистые холки старого барбариса
 с красными висюльками ягод.

И чуток снежка в монастырских стенах
 с кирпичом, буреющим сквозь побелку.

Здесь была колония малолеток –
 зэчек, которым не стукнуло восемнадцать,

шивших варежки под сводами цеха,
 прежде корпуса братских келий.

А теперь тут Толгская Божья Матерь,
 перед ней паломники на коленях.

На поклёв сюда прилетают птицы
 и сидят потом у крутых ступеней.

Много-много знают теперь черницы
 тихоструйных ангельских песнопений.

Хорошо, но я вспоминаю зэчек
 у пугливых свеч и иконной охры.

Где-то тут ведь грелись они у печек
 и боялись ночью глумливой вохры.

От цинги спастись б, как овцам, им бы
барбарисом, и над головами нимбы...

Вот стоишь уставшим от говоренья
стариком на пригородной платформе,

про себя страшась то огня, то тленья,
то загробной жизни в неясной форме.

РИСУНОК

А. и М. Якутам

Утренний ровный свет
стеклянного потолка.
На ватмане твой портрет
рисует моя рука
твёрдым карандашом.
И это в разы трудней
натурщицы нагишом
и яблоч, сравнимых с ней.
Тем паче нормандских скал,
призрачных их громад,
где старый прибой устал
и стал отступать назад...

Нынче на склоне лет
всё-то моё добро –
грифеля беглый след,
тёмное серебро.
Но всё светлей и светлей
ровный лист под рукой –
без паспарту, полей
он будет один такой.
Не вспышки сангины, не
масло с густым мазком
у нищих духом в цене,
а то, как ты мнёшь во сне
наволочку виском.

ПРЕДГОРЬЯ

Предгорья лучше гор – они волнуются,
их волны разных уровней колышутся,

в заснеженности скудной соревнуются,
и посвисты ветров оттуда слышатся.

Что будет с жизнью, быстро отступающей
к последним рубежам? Ещё не знаю, но

возможно, то же, что и с убывающей
лазурью, в чей зенит светило впамяно.

И в парном дрейфе старый коршун ястреба
опережает, как судьбу судьба.

...Я сызмала хворал, бывало, гландами
и помню про синдром совковой выучки.

Но мнится – в приграничье с Нидерландами,
усердный подмастерье, мою кисточки

и в расписной аркообразной горнице
вдруг вижу в утро вещее, погожее

в оконце за плечом у Богородицы
предгорья, на подводный мир похожие.

ОБНОВА

Когда, чуть гордясь обновой
и собираясь в путь,
повязываешь медово-
бледный платок на грудь,
вижу уже, какую
птичкою отчих мест
сумеречной порою
сядешь ко мне на крест.

ЦАРЬ

...Вдруг проснулся не у пыльных полок,
а проникшим в полутёмный терем
на подушках Софьи Палеолог
полугосударем-полужверем.
И когда поднёс к губам, намятым
за ночь заревую, ковш долблённый,
быстротечной жизни склон покатый
перелился в вал волны солёной.
Да, кажись, я правил этим миром,
где шумят леса до океана,
где зенит меняется с надиром
местом в толще белого тумана.
Нет, не помню, кем я был на свете.
Нынче ж в положении переходном
я уже по щиколотку в Лете,
в мутном молоке её холодном.

ВЕЛИМИР

Удивляюсь мужеству Велимира:
Председателем аж Земного Шара
(хорошо хоть, что не чумного пира)
стал он в годы смуты и перегара.
Будто Лир, шагал в безвоздушной хмури

грозовой навстречу далёкой вспышке.
А потом – как зарисовал Митурич –
на одре в солдатском лежал бельишке.

Показалось, с неба сошла лавина,
в губчека окна распахнулась рама,
и туда – к дурному от кокаина
сыну диалектики и раввина
залетел огонь, ослепив абрама.
.....

Уважайте мирочувствование поэта!
Зарубив себе на носу, на сайте
это,
господа лощёные, так и знайте:
весь и мера – часть человечества
на северо-востоке Европы.
Им не позволили онемечиться
мокроступы и волчьи тропы.

2006
(Переложение стихотворения 1970 года.)

* * *

Ветер прощался с гривами
выцветшими осоки,
в меру неторопливыми
были его потоки.
Вот ведь и мы не молоды
нынче перед разбегом.
Цвета мёда и солода
травы под мокрым снегом.

Сверху – с полёта птичьего
лучше заметны силы,
что привели к величию
Русь на краю могилы.
Загодя размелованы
пяди её пространства.
Мне ли не уготованы
бармы её убранства...

РОДОСЛОВНОЕ

С тех пор как миновавшей осенью
узнал под дождичком из сита,
что родом ты из Малороссии
да и к тому же родовита,
как будто в сон медиумический
или прострацию какую
впадаю я периодически
и не пойму, чего взыскую.

Люблю твои я темно-русые
посеребренные виски
и ватиканским дурновкусием
чуть тронутые образки.

Где гулить горлицы слетаются
об отчих тайнах небывалых
и мальв удилища качаются
в соцветьях розовых и алых,
где увлажнилась темно-серая
твоя глазная роговица —
там между колдовством и верою
размыта ясная граница.

* * *

Сделалось с годами, допекая,
всё слышней дыхание в груди,
с ним таким теперь на пик Синая,
потакая звёздам, не взойти.

Кажется, что жизненная квота
вычерпана — но, наоборот,
из кармана заставляет кто-то
доставать затрепанный блокнот.

Словно это юнкер темноокий
у себя в казарме налегке
спит и видит сон про одинокий
и мятежный парус вдалеке.

ЦАРЬ (2)

Не в степном зачуханном улусе,
а в лесном московском эмпирее
поднесу к губам, заросшим усом,
золотую чарку романеи.
Облачусь в парчовые доспехи,
за оконцем золотые пятна
потускнели листьев, и помехи
увеличились тысячекратно.

Впредь ветрам в отместку огрубелым
и путям их неисповедимым
я останусь тут последним Белым
памятным Царем непобедимым.
И, покой моей оберегая
родины, чьей гибели не емлю,
пусть альтернативная, другая
длится жизнь наследовавших землю.

Проза

Сусанна АРМЕНЯН

ПРИВЫЧКА

Она представила, как он спрашивает у нее, который час, как потом снова оборачивается и смотрит на нее чуть пристальнее, а потом какой-то тенью улыбки скользит по его губам смущение. И как она замечает это смущение и из-за этого – глупо, конечно! – чувствует себя победительницей, хотя никакой победы еще не одержано, они просто стоят в одной очереди. И потом – как они решаются снова заговорить и назвать друг другу свои имена после того, как обменяются шуточками насчет скорости продвижения этой вечной очереди за хлебом, который в магазин то ли привезли, то ли нет. И как они, как бы насытившись таким обменом ничего не значащих шуточек и означающих всё взглядов, покидают хлебную очередь вдвоем, доверчиво и так по-дружески взяв друг друга за руки. И как пойдут пешком по улице, не задумываясь о начавшемся дожде и не рассчитывая на троллейбус, про который они уже знают, что он проходит раз в полтора часа, с висящими на всех выступающих частях пассажирами (и даже с сидящими на крыше). Они часто ходили так по улицам последние месяцы, просто теперь они идут вдвоем.

И она представила, как они идут вдвоем и болтают ни о чем – о глупостях всяких, о стихах, с удивлением обнаруживая, что их не стесняют ни различия в их интересах, ни несовместимость – в свете политической ситуации – их национальной принадлежности. И как они сидят на какой-нибудь лавочке, встретившись вновь через несколько дней, и он читает ей стихи на языке, который она плохо понимает, но внимает со смешанным чувством – в основном, это намерение серьезно взяться за изучение этого языка. Но одновременно она наслаждается звуком его голоса.

И она представила, как проходит три дня, и засыхает подаренный им цветок, и проходит еще три дня, и еще, и еще, пока их не накапливается на целый месяц его молчания (и главное – отсутствия). И как потом вдруг он появляется опять, ничего не объясняя, и снова читает ей стихи и пугает настойчивым желанием поцеловать в губы. И как после очередной пешей прогулки, которую почему-то зовут свиданием (“мальчики и девочки ходят по улицам, надеясь неизвестно на что” – как пел Майк), но после которой болят ноги, он исчезает вновь, и на этот раз его нет полгода. И как потом ей уже не хочется никуда с ним ходить и не хочется слушать, как он читает стихи, и не хочется слушать, как он объясняет – на этот раз объясняет! – причину своего отсутствия. И как она бросает ему трубки. И какая пустота наступает после того, как он, наконец, перестает звонить. И представив всё это, она решила с ним не знакомиться.

Теперь это уже вошло у неё в привычку.

Анна САФАРОВА

ТРЕСКА

«Людям постоянно надо находиться в некоем «состоянии» – не важно, в каком, в любом, главное, находиться, но ни в коем случае не теряться, чтобы хоть как-то взаимодействовать друг с другом. В порыве мыслей, осознанно или просто наобум сочинённо, можно находиться в том «состоянии», о котором я хочу рассказать самой себе. Мыслительный процесс, или же осознание некоей проблемы, увозит внимание на трамвайчике лёгкой отрешённости. Канат, связывающий внутриголовной мир и пыхтящие пейзажи с множеством людских лиц, гляди, уже прохудился, сбросил парочку лишних волокон и превратился в нить. Вот он каков, процесс мыслительный. Как же это волнительно, – идеи куролесят в голове, сердце от прилива адреналина и непонятной радости через скакалку прыгает, а тут, видите ли, процесс протекает. Сухо и скучно. Мечталесить надо, вот что, и ничего иного слышать не хочу. А так, если взять, чем ещё я занимаюсь в этот прекрасный майский вечер? Наступило то время года, когда не обязательно смотреть на часы, чтобы определить «который час?». В мае, в эдакие дни о времени напевают облака. Чем громче они поют, тем блее кажутся. К восьми часам вечера ложноножные овечки впитывают усталость города, и будто с земли на небо выплется перец – облака окрашиваются во всевозможные цвета. И чем неправда, что мы, земные точки, заряжаем небо, и в зависимости от энергии, посланной в воздушные замки, наблюдаем представления, ничем не хуже театральных? Почему же люди вокруг смотрят куда-то вдаль? Не могу сказать, что в их лицах отсутствует искра – просто им нет дела до окружающего мира в этот мизерный промежуток времени. А эта девушка, что стоит на автобусной остановке? Почему она проглотила меня своими узенькими глазками? Неужто понравилась моя новая сорочка? Боюсь, от такого взора по швам пойдёт одежда моя.

* * *

В детстве ребята прозвали меня «треской», потому что я не умела различать «чужое» и «собственное» мнения. Не могу сказать, что очень злилась на соседских ребятшек за то, что нарекли меня оным именем. Понять, чем же я отличаюсь от них и почему не могу быть на одной и той же волне с ними – вот что волновало меня больше всего. Иногда думаю, что было бы логичнее прозвать меня дятлом или той же повторяшкой-индюшкой. Но рыбы ведь тоже всегда молчат, что это вдруг меня задела детская неразборчивость. Сама, небось, сейчас, магистром жизненных наук стала. А всё же, повзрослела я, когда перестала поддакивать всем и каждому. Правда-правда! Я сама открыла ставни истины и посмотрела в зеркало правды,

глазела на саму себя и в недоумении хлопала ещё не отягощёнными повседневностью веками. Стою вот на площади и будто не принадлежу себе. Мозг, давай играть! Я говорю слово, а ты продолжаешь... не имеет значения, по какому принципу... . Площадь. ЛоЩадь?.. Нет такого слова, родимый. Хотя, идея неплохая. Лошадь на площади. Не слишком ли много животных пронеслось в моей голове табуном? Да, треска несётся по пыльной пустыне, бежит со всех ног, за нею мчится лошадь на мопеде, и вдруг ей в глаз попадает песчинка, и животное страдает... И, правда, отчего же, когда людям в глаз попадает какая-нибудь липучая ересь, та не превращается в жемчуг? Как в случае с моллюсками. Принцип ведь тот же. Видимо, мы стоим на эволюционной лестнице ниже ракушек, или кто там производит драгоценные камни.. Ой, какая милая дама, мне нравится её сорочка. В цветочках вся, как я люблю! О, и кажется там пуговка на груди случайно раскрылась. Да ничего, не так заметно. А если бы я была на её месте? И кто-то увидел бы и не сказал о моей лёгкой оплошности? А вдруг она это специально сделала. Наверное, это из-за затруднённости дыхания, или просто пуговка за что-то зацепилась и вылезла из петли. Надо жестом хотя бы намекнуть ей... Почему же она не смотрит?! Как неудобно... Надо догнать и сказать ей, по городу так ходить неприлично. Не треска ты, а дерево, глупая и безалаберная. Не смогла...

* * *

Часам к девяти вечера молодая женщина добралась до угрюмой и долговязой многоэтажки. Стоявший у лифта молодой мужчина бросил рассеянный взгляд на прищелицу. Оказавшись в скомканной кабине, оба, почему-то, чувствовали заполнившее пространство смущение.
– А ходить с расстёгнутой пуговкой на груди по городу удобно? – будто плонул словами незнакомец и тут же осёкся, желая подобрать взгляд женщины и заглазить неосторожный вопрос улыбающимися глазами.
– Пока об этом не скажут вслух такие смельчаки, как вы, – да, – пролепетала женщина и, краснея, ловко продела круглую пуговку в положенное место.

Спасибо Треске, у них всё будет мечталесно.

Георгий МЕЛИКЯН

* * *

Куда я попал? Подземелье. С влажного потолка капает вода. Бесчисленное число капель, ударяясь о каменные плиты, невыносимо бьют в мозг. Через дыры на потолке сюда попадает рассеянный свет. Мерзкий холодок страха мурашками прокатывается по всему телу. Майка прилипает к телу. Пот. Запаха страха...И любопытство.
Иду...
Внезапно из-под ног выскакивает крыса. Писк. Сердце подпрыгивает. Застревает в глотке.

Иду...

Слышу журчание. Озеро. Странное бульканье. Усиливается. Паника потихоньку охватывает меня. Инстинкты подсказывают бежать. Но я не могу сделать и шагу. Тело не слушается. Только дыхание, я могу дышать. И всё.

В озере воронка. Она увеличивается. Страшный гул усиливается. Водяной столб поднимается до гигантских размеров.

Наконец, чувствую, что могу бежать. Мои конечности обрели чувствительность. Но. Поздно. Вода засасывает меня...

Успеваю набрать в лёгкие побольше воздуха. Вода вокруг. Меня переворачивает, вертит, кидает.

Сколько секунд прошло, не знаю. Внезапно меня куда-то выбрасывает...

Тру глаза. Осматриваюсь.

Я дома. Лежу в кровати. Простыня смята. Пот. Дыхание. Сердцебиение. Сигарета. Сон...

Я

Он вскрикнул от ужаса. Он потерял своё тело.

Не было ничего, кроме немеркнувшей искорки сознания.

“Я есть!”-пронеслось в мыслях.

Как светлячок, парил он в непроницаемом мраке. Чувствуя, осознавая, но, пока не понимая, как это у него получается без материальной оболочки...

ПУСТОТА

Это была Пустота. Пустота Вечности. Бесконечности.

Пустота ледяного огня. Пустота ужасающе-громкой Тишины. Пустота, полная Ничто. Пустота не покоя, а просто момента нереальности какого-либо движения. Пустота, глубину которой невозможно измерить. Глубину которой невозможно постигнуть. Пустота, где отсутствует понятие Времени.

Пустота Преисподней.

Которую я переплыл...

Самира КУЗНЕЦОВА

ДВЕ ПОЛОВИНКИ ОДНОГО ЦЕЛОГО

Я лежала, устало закинув руки за голову. Немного сбившееся дыхание постепенно приходило в норму. Не покидало ощущение полной прострации, не хотелось говорить, думать, двигаться, что-то слышать. Я знала, что сейчас он протянет “таааак”: после секса он любит поговорить о делах, которые меня мало интересуют. Я буду слушать, не перебивая, потому что так надо. Потому что это привычка.

И наши воскресные свидания, и такие знакомые сплетения рук и ног, это всё привычка. Любимая,

уютная, но всё-таки привычка. И даже слова о любви. И даже контрольный поцелуй в макушку. И даже вечно куда-то торопящий телефонный звонок.

Но сегодня что-то было не так. Что-то мешало полностью расслабиться, что-то зудело, как надоедливый комар над ухом, и раздражала сама мысль, что что-то не так, не так, как надо, не так, как обычно.

И почему-то тёплая, уютная рука под головой, такая знакомая, кажется, так специально найденная, чтобы мне было удобно, меня раздражала своей отличительной непохожестью на другие руки.

Я не знаю, когда мне в голову пришла мысль об измене. Может быть, в тот день, когда вдруг ясно поняла, что моя нынешняя жизнь совсем перестала быть похожей на прошлую, или когда настойчивый телефонный звонок упрямо возвещал, что надо бросать очередной коктейль и идти домой из клуба. А может быть, тогда, когда в большом зале супермаркета увидела чужую жизнь – растрёпанную девочку с плеером, его и похожую на девочку женщину с усталыми глазами. Я давно ждала этой встречи, готовилась проплыть лебедем, зло и упрямо бросив вызов своей молодостью, красотой и дерзостью. Но когда встреча состоялась, когда женщина скользнула по мне взглядом, что-то сказав растрёпанной дочери, вдруг очень захотелось уйти незамеченной. Женщину стало жаль. Я пыталась усыпить жалость, но чувство досады не проходило. От него мутило. Я ухватила за дверь, пытаюсь справиться с головокружением. Может быть, тогда пришла эта идея?

Наверное, было бы очень просто однажды выключить телефон, забыть имя и адрес, вернуть его в ту жизнь, откуда он уходил на часы. Но решение никак не удавалось принять. Почему-то всегда в самый ответственный момент уходили силы, и хотелось человеческого тепла и участия, не хотелось оставаться наедине со своими мыслями. А когда всё оставалось по-прежнему, опять приходило недовольство собой, своей привязчивостью, слабостью и своим образом жизни.

В сущности, я была свободна и несвободна одновременно. Кому мне было изменять, если я жила одна и никому не давала обещаний перед Богом и людьми? Но я любила, а что может быть хуже, чем изменить своей любви? Но эта туманная, грешная, обжигающая мысль приходила ко мне всё чаще. Я не могла больше жить спокойно, я смотрела на него и думала, заслужил ли он это? Конечно, заслужил, а разве мне он не изменяет каждый день, уходя от меня в другую жизнь? Чтобы освободиться от оков своей любви мне обязательно нужно, просто необходимо было почувствовать, что я могу пойти вопреки его воле, вопреки своим убеждениям.

Давно обращающий на меня внимание коллега в очередной раз, уже не веря, что получится, пригласил меня провести вечер в уютном баре. Сама судьба подкидывала мне шанс, и я согласилась. Я рассказала ему об очень важном деловом ужине и ушла. Мы пили коньяк, я рассматривала коллегу через стекло бокала и думала о другом, о том, кого по-прежнему люблю и от болезненной привязанности к которому я сегодня собираюсь избавиться. Мужчина, сидящий передо мной, был

чужим. Он притягивал моё воспалённое коньяком и сумасшедшей идеей сознание. Я протянула руку и дотронулась до него. Он был горяч по натуре или от долгого ожидания, я не знаю. Стучало в горле, тоненькая ниточка билась у виска. “Я всё делаю правильно” – думала я, пытаюсь оправдать своё неожиданное желание уже забытой идеей. Он любил меня долго и неистово, как будто пил после долгой жажды.

Утром я проснулась на чужой руке. Это была не та рука, которую я привыкла ощущать. Чужой мужчина спал рядом, слегка посвистывая. Надо было убираться. Смотреть ему в глаза, а, тем более, продолжать вчерашнее не хотелось. Я надела платье, взяла босоножки и тихонько выскользнула из квартиры. Таксист понимающе усмехнулся и повёз меня домой. Я сделала для себя один важный вывод. Никто не способен был заменить мне самого дорогого человека. Я не умею без него жить – без него всё другое. Чужое. Пусть даже в красивой упаковке. Мне неважно, что он принадлежит другой, главное, чтобы он был хоть иногда рядом. Я была счастлива. Счастлива от мысли, что наконец-то головоломка завершилась, и все квадратики паззла стали на свои места.

На площадке у моей квартиры сидел мой любимый мужчина. Рядом лежали немного подвявшие цветы. Он посмотрел на мои босые ноги, туфли в руках, спутанные волосы. Он поправил на мне сползающую лямку платья и пошёл вниз по лестнице. Я знала, что он понял, и знала, что он не простит.

* * *

Всем известен сюжет анекдота, когда муж возвращается из командировки и застаёт жену с любовником. Смешно. Я часто смеялась над такими шутками. Пока сама однажды не вернулась из поездки, открыла дверь ключом и увидела своего мужа рядом с юной красоткой. Они спали. Я не знала, что делать. Закричать? Расплакаться? Бросить в него вазу, подарок любимой свекрови? Что делают обычно в таких ситуациях? Она была хороша. Кудрявая, стройная, гладкое тело, красный лак, цепочка на щиколотке. Другая. Не такая, как я. Она спала совсем по-детски, положив руку под щеку, чему-то улыбалась во сне. Я вышла из квартиры, тихонько захлопнув дверь. Наверное, надо было куда-то пойти, может, к подруге, может, поплакать. Я купила в ларьке сигареты и пошла в парк. Возможно, надо развестись или уйти жить к маме? Ну, куда ей сейчас такая нервотрёпка? В следующем месяце возвращается из лагеря Машка, что сказать ей? Что папа нашёл себе кого-то немного её постарше? Для Машкиной психики будет травма.

Это был первый случай, когда я не знала, что делать. Даже тогда, когда я узнала, что у меня будет Машка, я не была так растеряна. Я знала, что человек, которого я люблю, самый порядочный и верный. Я знала, он полюбит Машку сразу же. Я была уверена, что будет дочь и обязательно Машка.

Наверное, девушке лет двадцать пять, молодая. Мне тогда было ещё меньше. Наверное, она

влюбилась в Сашку, как и я когда-то. Без памяти. Его невозможно не любить. Он умрёт без моей заботы, она, скорее всего, и готовить не умеет, только тусить по клубам. Я приняла решение.

– Алло, Саша, ты дома? Да, я уже еду, через полчаса буду.

Полчаса ему хватит, чтобы всё изменить в квартире. Хватит ли мне теперь целой жизни, чтобы успокоить эту боль в области сердца?

Я потом их видела несколько раз. Однажды в небольшом кафе в центре. Он что-то говорил, а она смеялась. Задорно так смеялась, дерзко. Другая она совсем, не такая, как я. Ею легко увлечься.

Однажды мы встретились в супермаркете. Ну вот, теперь и она меня увидела, Машка тянула к дискам, а мне было любопытно, как она себя поведёт. Я ожидала другой реакции, а она расстроилась, сжалась, вдруг в момент из самоуверенной девушки превратилась в обиженного, испуганного ребёнка. Она даже рот скривила, как Машка делает в моменты сильного душевного волнения. Мне вдруг стало её жаль. Интересно, есть ли у неё родители? Я сделала вид, что не узнала её, а Саша её вообще не заметил. Она вышла из магазина, а я ещё долго смотрела ей вслед, девушке, которая совсем на меня не похожа.

С того момента, как я увидела их в своей постели, прошло довольно долгое время. Я знала, что Саша по-прежнему с ней общается: иногда кто-то звонил и молчал, а иногда Саша уж очень по-деловому с кем-то разговаривал. Или пропадал на работе. Но он был внимательным и очень нежным со мной. Я очень боялась, что однажды он решит уйти насовсем, к той, другой. Я боялась этого и ждала. Иногда напряжение становилось нестерпимым, я уже хотела, чтобы, наконец, произошёл этот разговор, после которого всё встанет на свои места, как квадратики непростого пазла.

Но когда этот день наступил, я оказалась не готова к нему. Саша настойчиво кому-то звонил и даже чертыхался, он набирал номер снова и снова, ходил из угла в угол, раскричался на Машку за очень громкую музыку. Видимо, боялся не услышать звонок мобильного.

Поздно вечером он куда-то ушёл. Не сказав ни слова. Я поняла, куда. Но я знала, если он вернётся, я его прощу.

Он вернулся под утро. Расстроенный и нервный. Я не стала ничего спрашивать, но каким-то шестым чувством поняла, что это из-за неё.

Вскоре Саша уехал в другой город. Он объяснил Машке и мне, что там ему предложили перспективную работу. Он не попросил нас поехать с ним, да и куда нам ехать, Машке менять школу, мне работу. Так и живём. Вместе и врозь.

Однажды на скамейке в парке, где я люблю сидеть в минуты раздумий, я увидела её. Она держала в руках незажжённую сигарету и смотрела куда-то сквозь меня мокрыми от слёз глазами. Она была совсем другая, не такая, как я, но в её глазах я

увидела знакомую тоску: она скучала по Саше.

Я села рядом и протянула зажигалку.

Гурам СВАНИДЗЕ

ОПАСНАЯ ПОЕЗДКА

Я спешил домой и остановил такси – старенькие «Жигули». Водитель оказался разговорчивым. Беседу начали с того, что в городе стало трудно ориентироваться. Многие улицы переименовали.

– Вот я направлялся на улицу Петра Ширшова. Относительно недавно ей присвоили имя Отара Кинкладзе. Ширшов – академик, один из первых полярников (крупный учёный и героическая натура в одном лице). Не хочу обижать человека по имени Кинкладзе, наверно, тоже уважаемая личность, но кто он, я точно не знаю. Кажется, бывший министр образования, каких было много.

– Признаться, не имел представления об академике. Теперь буду знать. Для меня улица его имени известна тем, что ведёт на старое Кукийское кладбище, – сказал мой собеседник.

– Да, много разных похоронных процессий навидался, пока живу на этой улице! – поддакнул я. – Веяние времени. Сносят и переносят памятники, меняют названия улиц, – философски заключил водитель и насупил брови.

Как оказалось, он – бывший инженер, «уже не временно безработный». Его организацию закрыли лет десять назад.

– Веяния времени, – печально повторил он, – благо, у меня «жигулёнок» имелся. Начал таксовать. А что те мои сотрудники, у кого машин не было?! На бобах остались.

Узнав, что у меня есть работа, шофёр крепко сжал руль и с горечью в голосе сказал: «Сколько бы отдал, чтоб проснуться однажды утром и поспешить на службу! Потрудился бы всласть!»

Его глаза увлажнились. На некоторое время мы замолчали. Разговор возобновился, когда наше авто застряло в очередной «пробке».

– Вот вкальваю с утра до ночи, – оживился после молчания мой собеседник, – другого дохода нет. Иногда такое приходится выносить!

Он взглянул на меня и, убедившись, что я заинтригован, с готовностью начал рассказ. Таксист располагал к себе. У него была приятная манера общения, без затей, по-простецки.

– Если помните, в начале 90-х годов у нас совсем плохо было. Энергокризис, голод. Ещё преступность бушевала.

– Как не помнить, – поддержал я тему.

– В то утро я долго стоял на стоянке у метро «Вокзальная». С недосыпу глаза слипались, погода мерзкая была, серая, ноябрьская. Тут ко мне подсели. Не спросив разрешения, двое верзил втиснулись в салон. В форме «Мхедриони». Здесь рассказчик посмотрел на меня «говорящим» взглядом, мол, знаешь, о чём речь.

– Да, известные были бандиты! – подтвердил я. В этот момент мы ещё находились в «пробке».

Шумной, вонючей от выхлопных газов и нервной. – Тот, что сел рядом, приказал мне ехать в Мухрани. Я говорю, что бензина не хватит, ведь за город ехать. «Пассажир» холодно посмотрел на меня и ничего не сказал. Физиономия у него была типично уголовная. Взгляд тяжёлый, с вызовом. Ещё шрам на щеке. Я не робкого десятка, но повиновался «беспредельщикам». Я не ждал от них хороших манер, но все равно был ошарашен их хамством. Уж слишком круто замешанным оно было. Второго я сначала не рассмотрел и в зеркале заднего обзора его не увидел. Раза два он подал голос, его тон не показался мне жестким. От сердца немножко отлегло.

За окнами опять была «пробка». Гам сигналов смешивался с перебранками между водителями. Казалось, что мы остановились навечно.

– Некоторое время ехали молча, – продолжил таксист, – когда подъезжали к Дигоми, тот, что сидел рядом, приказал притормозить у торговых палаток. Оба пассажира вышли. Я рассмотрел второго. Действительно, выглядел не так круто. Наверно, студент был. Помните, сколько молодёжи тогда к «Мхедриони» примкнуло. Романтика какая-то была, махновская.

Я ответил утвердительно и сослался на пример своего родственника.

– Они пошли торговки грабить. Прямо с лотков всякую всячину сгребали в сумку, которую тут же в одной из палаток «приватизировали». Торговки начали причитать. Когда мужики уже возвращались, тот, что рядом со мной сидел, порывался пистолет из кобуры достать, угрожал женщинам, а «студент» его удерживал.

В салоне мой сосед еще некоторое время хорохорился. Дескать, эти беженцы совсем обнаглели, он за них кровь проливал в Абхазии, а они сюда прибежали торговать. «Студент» его урезонивал, что у тех бабок своих проблем навалом. «Всего-то «сникерсов» для сына прихватил и выпивки», – уже успокаиваясь, сказал сосед. Мне показалось, что могу своё слово вставить, раз этот брутальный тип смягчился. Но меня опять осадил тяжёлый холодный взгляд, в который ещё примешивалась насмешка.

Мой собеседник поёжился. Мне показалось, будто он снова переживает ту жуткую ситуацию. В это время в окно «жигулёнка» постучал кто-то из нетерпеливых водителей. Мой собеседник ответил грубой бранью. Но вот наступил долгожданный момент – «пробка» начала рассасываться, и мы понемногу стали продвигаться вперёд.

– Что было дальше? – спросил я.

– Они вели свои разговоры и не обращали на меня внимание. Первый рассказал второму, как за день до этого он со своими поделщиками явился в главную прокуратуру, вошел в кабинет к прокурору, который вёл дело его товарища. «Помнишь такого», – спросил первый у второго и назвал имя.

– Он армейского офицера из вертолёта с высоты скинул. Раскомандовался, фрайер!». Продолжает: «Приставил я дуло пистолета ко лбу прокурора и говорю, чтоб никаких «высших мер наказания». Прокурор уделался. Обещал попросить у судьи срок по минимуму». Потом они стали перебирать знакомых. Звучали одни только кликухи типа

«гробовщик», «грызун».

Я опять попытался встрять. Вспомнил своего знакомого «мхедрионовца». Поймал себя на мысли, что хочется холуём вырядиться. Как бы заискивать попытался. Снова ноль внимания к моей персоне. Может быть, и к лучшему, а то сам себе противным делался. На бензоколонке, где мы заправлялись, тамошние, от рабочего до директора, всячески угодничали перед моими пассажирами. Рабочий, который бензин заливал, дурачка из себя строил, юродствовал, мол, «дядечки» копейку подайте. Не подали. Я ещё подумал, чуть таким, как они, не стал. Но испытания были ещё впереди.

Мы вышли на оперативный простор, и наше такси поддало ходу. И чем больше была скорость, тем больше распаялся рассказчик.

– Мы въехали в деревню, потом во двор. Ворота открыла женщина с испуганным лицом. Во дворе крутились-хлопотали ещё несколько испуганных женщин. Их погонял хлопец лет 5-6. Более отвратительного ребёнка в жизни не встречал. Явно чадо того, что сидел рядом со мной. Папаша вышел к сынишке и протянул ему «сникерсы». Мальчишка потянулся к пистолету отца, но тот был строг и оружие из кобуры не достал. Затем он пнул одну из женщин и проследовал в дом. Второй пассажир последовал за ним. Я же остался стоять у машины. Стою и маюсь. Не знаю, что делать? Рвануть обратно в Тбилиси? Но что-то я к этим негодям «привязался».

Водитель опять глянул на меня вопросительно.

Я про себя хмыкнул, но посмотрел в ответ сочувственно. Он продолжил:

– Тут мои «родненькие» появились, пьяненькие. Как ни в чём не бывало, приказывают: «Гони в Тбилиси. В ресторан «Пепела», к 21-00 надо успеть». Всю дорогу до Тбилиси пассажиры забавлялись тем, что во всякую живность стреляли, в собак, индюшек, поросят. Очень радовались, когда в цель попадали. К ресторану подъехали чуть позднее девяти. Оттуда доносился шум разудалой компании. Пассажиры вышли. У входа их ждал «мхедрионовец» – толстый мужчина в форме. Они обнялись, обменялись приветствиями. Толстяк звал их поскорее присоединиться к застолью. А тот, что сидел рядом со мной, будто что-то вспомнив, повернулся в мою сторону. Я похолодел от ужаса...

В это время такси подъехало к моему дому. Мне надо было выходить. Но я не пошевелился. Спрашиваю, что дальше произошло. Шофёр продолжил:

– Первый раз в моей жизни на меня смотрели с желанием убить, а я с этим ничего не мог поделать! Тот холодный взгляд! На помощь поспешил «студент» и начал отговаривать своего поделщика. Он, видимо, знал, что могло последовать после такого взгляда. Потом «студент» подбежал к машине и крикнул мне: «Чего рот разинул, фраер! Убирайся!» ...После той поездки я несколько дней дома отсиживался.

Мы посидели немножко. Помолчали. Потом я спросил:

– Сколько?

– Пять лари, – последовал ответ.

Цена показалась мне завышенной, но я не стал возражать, безропотно расплатился.

Поэзия

Игорь ЭИБОВ

К МУЗЕ

Цикл стихотворений

1.

Последняя Муза не просит любви
Проходит сиренью из сада.
Рождает молчанье – нет слов говорить,
А может, ей слов и не надо.

Порхнет стрекозой – только тронешь её –
и сразу взлетает сквозь небо.
А голос гнездо в одиночестве вьёт,
и слышен и гомон и щебет.

сентябрь 2012

2.

Одна Твоя улыбка,
Робкая, как весеннее солнце,
Почти не выразимая словами.
Пахнуло цветочной жизнью полей,
Лёгким взмахом крыла бабочки
Обдало сердце,
Пшеничное поле загляделось в небо,
Старик серб сказал: Будем людьми!

Одна Твоя улыбка,
Нежная, как весеннее солнце,
Согревает сердце милостиво.
Мне кажется, есть состояния,

не выразимые словами,

Сказал поэт – и это бывает в присутствии Бога.
Простые слова, как простые истины:
Бывает одной улыбки достаточно,
Чтоб полюбить.

декабрь 2012

3.

Слова ушли – как листья в листопад –
И это осень спит в оконных стёклах.
В безмолвии застыл осенний сад,
И скрипка ветра от дождя промокла.

Бог близко, если люди далеко,
А если люди близко – Бог не слышен.
Слова ушли – в молчании легко.
Проходит Муза и зовёт всё выше.

январь 2013

4.

Просто прошла мимо – неопишимо,
Как дуновение ветра.
А когда-то я был поэтом,
Как полководец слов.
А теперь мне всё кажется снами.
Впереди – могила.
И я не нахожу своей жизни
ни оправдания, ни прощения.
Только прошу,
Христе, Жизнь моя,
дай мне время на покаяние!

Но... она
просто прошла мимо – неопишимо,
как дуновение ветра.
А когда-то я был поэтом,
и хочется продолжить строку
о том,
что в ней есть безмятежность чистоты...
Что могут дать 2 секунды душе –
там, где кончаются слова,
начинается созерцание.
И, если земная красота
может так оплодотворить душу –
как же душа моя
должна искать Тебя,
Христе, Жизнь моя!
Как же она должна бежать от мира,
Чтобы прильнуть к Тебе,
Солнцу Правды,
Истинному Желанию!

март 2014

5.

Я – поэт! Дарю жизнь словам!
В отражении глаз зацветают сирени.
Хочется смотреть в тишину неба.
Не пойму сквозь усталость,
прошлое или будущее.
Всё смешалось –
доверчивые ладони
и робкие губы,
пьяная нежность холстов Модильяни.
Ты – обнажённость –
горстью нагретого на солнце пшеничного зерна
согрей меня,
прорастая в затылок
курсивом играющих на флейте пальцев.
Проходишь мимо,
я смотрю тебе вслед, ожидание,
желание – как ветер, наполняющий парус,
как будто незримо оглянулась.

апрель 2014

6.

Ещё не рассвело – и дрозд поёт несмело.
И я не сплю – и думаю о ней...

.....
Взяв на ладонь души моей дыхание,
Она как будто смотрит на неё.

май 2014

7.

Время безвременья,
Шорох опавшего ветра,
Листья скребутся, как мыши,
в ночное окно.
Ты прошла вечерне,
Желтей вдохновенья.
Время казалось мне Светом,
А Ты – Тишиной.

июль 2014

8.

Она сияла сентябрём,
Слова лились ручьём прохладным,
Ладони ласковым добром
обвеяли, и слухом жадным
я вслушивался в перелив
добра и простоты в той речи –
На сердце облетала Вечность,
а в глубине светился Лик.

август 2014

9.

Трудности перевода,
Когда перевод не нужен.
Просто молчанье.
Слова честно запрещены –
Разрешены только любезные фразы.
Трудности перевода,
Жесты по возможности сдержанны,
Просто приветливы.
На нас есть высшие права,
На обоих.
Каждый пытается перевести сам,
и потому смысл куда-то уходит,
в трудности перевода.

Но..
Остаётся светлое веяние,
и в нём
глас тонкого хлада,
и тогда молчанье говорит,
и жесты сказуют.
Просто надо помолиться.
И пусть всё решит Бог
так, как Ему угодно.

2014

Гагик ТЕЙМУРАЗЯН

МАЭСТРО СИЗИФ

Конферансье, вышедший на сцену в сопровождении
Двух карликов, сказал, что маэстро Сизиф
В гримерной дает интервью внештатному
Корреспонденту всемирно известного журнала «Мурзилка»
Зрители заволновались. Я хотел встать с кресла,
Но передумал и, откинувшись на спинку, мысленно
Унесся в родную деревню, где сейчас собирали
Богатый урожай загорелые крестьяне. Через
Десять минут занавеси открылись. Великаны
Вытолкнули гору и камень. Я потерял ладони.
Скоро я увижу одну из самых драматических сцен
Мировой литературы. Я смогу сравнить рассказы
Очевидцев с тем, что увижу собственными глазами.
Конферансье, дважды хлопнув, громко сказал,
Что среди зрителей есть новичок. Я покраснел.
Меня попросили встать. Тысяча глаз вперились
В меня. Человек, сидевший рядом, снял цилиндр.
Зрители затихли. Ковыляя, на подмостки вышел
Среднего роста мужчина в черном фраке.
Окинув взглядом сидевших в партере, маэстро
Сизиф засучил рукава. Карлики ударили в литавры.
Сверху посыпался снег. Об этом мне не говорили.
На секунду мне показалось, что я попал не туда.
По устоявшемуся мнению, в аду не бывает атмосферных
Осадков. Два прожектора высветили фигуру маэстро.
Он подошел к горе и, издав душераздирающий крик,
Начал толкать камень. Зрители замерли.
Человек в цилиндре сказал, чтобы я не волновался.
Я видел, как стекает пот со лба Сизифа.
Вместе со всеми я испытывал к нему необъяснимую
Жалость. Я знал, что камень, оказавшись на вершине,
Скатится к подножью. Так и произошло. Конферансье
Жестом попросил собравшихся аплодировать. Я
Бы сделал это и без его просьбы. Осуществилась
Мечта моего детства. Я смог воочию увидеть
Самого несчастного человека в мире. Есть ли смысл
Жить дальше? Может, настало время плавно
Перейти из одной реальности в другую. От этих
Мыслей меня отвлек мужчина в белом цилиндре.
Он сказал, что объявлен антракт, и можно пойти
В буфет, где продаются бутерброды по низким ценам.
Я сказал, что останусь в зале. Мне не хотелось
Говорить, что в карманах было пусто. Второе
Действие началось опять с опозданием. Конферансье,
Вышедший на сцену в сопровождении трех карликов,
Сказал, что маэстро сидит и накладывает грим.
Через десять минут он появился вместе с двумя
Стражниками. Его уложили на кушетку, и
Экзекутор – высокий блондин с черными усами –
Стал хлестать маэстро по голой спине.
Моему негодованию не было предела. Я хотел
Вмешаться, но человек в цилиндре сказал,
Что все идет по сценарию. Я узнал от него,

Что Сизиф сам напросился в ад, когда понял,
 Что интерес к его колоритной персоне на Земле
 Резко пополз вниз. Он привык выделяться.
 Маэстро Сизиф был болен манией величия.
 Ему ничего не стоило навлечь на себя гнев
 Богов. Попав в ад, он сразу понял, что надо
 Делать, чтобы опять попасть в центр внимания.
 Он рассчитал, что в ад только прибывают.
 Количество зрителей будет возрастать изо дня
 В день. Он отдал распоряжение расширить
 Театр. От услышанного меня чуть не стошнило.
 Получалось, что Сизиф – обычный плут. И толкал
 Он в гору картонный камень. Я не сдержался
 И выбежал на сцену. Почему-то заплодировали.
 Подойдя к истязаемому, я выхватил плетку
 Из рук экзекутора. Сизиф посмотрел на меня
 С улыбкой. После выступления мы сидим
 В его гримерной. Он любезно согласился ответить
 На несколько вопросов, когда узнал, что я –
 Внештатный корреспондент всемирно известного
 Журнала «Мурзилка». Маэстро был откровенен.
 Мы подружились. Я стал посещать его спектакли.
 Иногда я надевал белый цилиндр, иногда
 Выходил на сцену в сопровождении двух карликов.

АЙСБЕРГ

Айсберг, замученный вечными вопросами, спросил
 У гагар, живущих на его макушке, в какой стороне
 Находится Гольфстрим. Птицы поняли, что гигант
 Хочет покончить жизнь самоубийством. В их
 Далеко идущие планы это не входило. Они

привыкли

Расхаживать по нему. Старшая гагара сказала,
 Что надо плыть на восток. Обрадовавшись, айсберг
 Повернулся и медленно поплыл в указанную
 Сторону. Ему встретился кит. Узнал обо всем,
 Он понял, что айсберг свихнулся и направил
 Его на север. Я видел, как он мучается.
 Рыбы и птицы, встречавшиеся ему на пути,
 Бессовестно его обманывали. Айсберг похудел.
 Под глазами появились черные круги. Под утро
 Он увидел китобойное судно. Он дружил
 С детьми капитана давно. Он позволял
 Рисовать им на своей огромной спине
 Замысловатые фигурки. Он принял их
 Не с той радостью, с которой обычно принимал.
 Дети спросили, что с ним происходит.
 Он был немногословен. Капитан, разрешавший
 Сыновьям взбираться по ледяной глыбе, удивился,
 Когда айсберг скупой ответил на его приветствие.
 Вечером капитан позвонил мне и стал допытываться
 О причинах угрюмости старого знакомого.
 Мне ничего не оставалось, как сказать ему
 Всю правду. Капитан испугался. Айсберг мог бы
 Потерять контроль над мыслями и причинить
 Боль его детям. В полдень он попрощался
 С гигантом и уплыл в неизвестном направлении.
 Айсберг еще раз спросил у гагар о Гольфстриме.

Они ответили так же, как и в первый раз.
 И белухи, и киты, и дельфины повторяли
 То, что было ими сказано при последней
 Встрече. Айсберг совсем потерял голову.
 Он понял, что над ним издеваются. Гагары
 Всячески его успокаивали. Они пытались ответить
 На вопросы, которые он задавал им с завидным
 Постоянством. Но он им не верил. Общаясь с детьми,
 Он видел, как они растут. Значит, и он должен
 Был когда-то родиться. И у него должны были
 Быть отец и мать. Белухи говорили, что его
 Принесли в океан аисты. Кит уверял, что он
 Был найден в капусте. Я не мог вмешаться.
 Меня разыскивали. Если б я вынырнул, то
 Стал бы легкой добычей для тех, кто кружил
 Над миром и пытался найти сбежавшего
 Из сумасшедшего дома. Айсберг метался
 Из стороны в сторону. Прошло пять лет.
 Теперь он ни о чем ни у кого не спрашивал.
 Он ждал корабль, в который хотел врезаться.
 Мне сообщили, что на горизонте появилось
 Китобойное судно. Повзрослевшие дети
 Капитана плыли, чтобы поздороваться со своим
 Другом. Ждать я больше не мог. Айсберг не узнал бы
 Их. Он ударился бы в борт и потопил судно.
 Времени на принятие правильного решения
 Не оставалось. И я себя обнаружил. Вынырнув,
 Я начал толкать айсберг в сторону теплого
 Течения. Он пытался сопротивляться. Он хотел
 Умереть, врезавшись в двигающийся объект.
 Мне потребовалось около семи часов, чтобы
 Привести его туда, куда он мечтал приплыть
 Десять лет назад. Я спрашивал его, кто
 Сказал ему о Гольфстриме. Он молчал. Он
 Был невменяем. Теплое течение сделало свое
 Дело. Айсберг начал таять. Рассудок
 Вернулся к нему. Он понял, что не надо было
 Захламлять мозг дурацкими вопросами.
 Но было поздно. Он наблюдал за своей смертью.
 Уменьшаясь в размерах, айсберг кричал,
 Как пленник, которого вели на эшафот.
 Ему никто бы не смог помочь. Мы оба растаяли.

РОДНИК 1

Я хотел набрать воду во флягу.
 Родник ни с того, ни с сего сказал мне,
 что человек самое бездарное существо в мире.
 Я заткнул ему глотку кляпом.

РОДНИК 2

Я хотел набрать воду во флягу.
 Родник ни с того, ни с сего сказал мне,
 что человек – самое бездарное существо в мире.
 Согласившись с ним, я не стал затыкать ему глотку
 кляпом,
 как сделал это в первом варианте рассказа “Родник”.

Новая книга

Тариэл ЦХВАРАДЗЕ

«КОГДА МОЛЧАТЬ УЖЕ НЕЛЬЗЯ»

Тбилиси. 2014. Издательство “Дани”

Тариэл Цхварадзе – батумский поэт, много перемещающийся в географическом пространстве, постоянен в своих жизненных и художественных принципах: он не приглашен, он эмоционален, он искренен. Спорить с ним, что спорить со стихией – природа не слышит оппонирующей мысли. Нервный, рвущийся характер его стихов – всегда гимн человеческому общению, дружеству, поэтическому братству, творческому переживанию. Драма жизни – по мнению автора – должна отступать на второй план, житейское не должно быть помехой поэтическому взлёту застольного тоста. А она проступает – драма жизни, делая их настоящими.

Даниил ЧКОНИЯ

Тариэлу Цхварадзе удалось, казалось бы, невозможное – обрести поэтический голос в возрасте, в котором некоторые подбивают неутешительные итоги. И боль, и любовь в этом голосе подкупают искренностью, хотя временами прямота высказывания и может показаться чрезмерной – таковы печальные приметы времени и биографии. Сегодня это один из самых различимых для русского слуха голосов Грузии.

Алексей ЦВЕТКОВ

Я очень хорошо помню день, когда познакомился с Тариэлом. Это было на фестивале Киевские Лавры. Потрясло: грузин, живущий на родине и пишущий по-русски. Это, на мой тогдашний взгляд, было сродни грехопадению – предпочесть поиски в чуждой языковой среде языку, на котором говорили, а уж стихи писали точно, в Эдеме. Что-то мне подсказало, что были в его жизни ситуации, которых большinstву людей удаётся избежать. С тех пор мы дружим. Преодоление – вот творческое кредо Тариэла Цхварадзе. Попытка выйти из Бессловесного в Речь, мучительный поиск своего голоса и единственных слов, способных передать уникальный опыт и желание высказаться. И дорога, конец которой только там, где исчезают звуки...

Игорь ДРОНОВ

* * *

Разворованная, безработная,
поднимающаяся с колен,
правду ищущая подноготную,
ожидающая перемен.
В клочья рваная, искореженная,
не нашедшая тёплый ночлег,
подчистую перезаложённая
по ломбардам и банкам навек.
Обнищавшая, Богом забытая,
упакованная в „секонд-хенд“,
много раз оскорблённая, битая –
территория мнимых побед.

* * *

Персональный Христос – это круто,
в доску свой, абсолютно ручной!
Просыпаешься как-то утром,
а он рядышком, Боженька твой!
И лелеет тебя, и голубит,
и того он тебе, и сего.

На хрустальном узорчатом блюде
подаёт и себя самого...
Он добряк, и ты знаешь об этом,
не достаточно, просишь ещё,
и, плюя каждый день на заветы –
ты уверен, что будешь прощён.
Но откушав просвиру, как мясо,
и запив её кровью-вином,
заодно уж тогда попытайся
лоб „украсить“ терновым венком...

* * *

Зал ожидания, вокзал,
экспресс, мелькание вагонов,
я их глазами провожал,
смотрел почти, как на икону.
Куда-то мчатся без меня,
я остаюсь всё в том же зале,
себя и всех вокруг кляня
за прозябанье на вокзале.

Рискни, кричал себе не раз,
вскочи однажды на подножку,
пока не до конца угас,
скажи, прощай, и в путь-дорожку.
Но не решился до сих пор
рвануть с экспресом на восходе,
мне сверху выдан приговор
жить в привокзальном переходе.

* * *

Позднее, через годы, пусть,
но ты всё правильно поймёшь,
и взгляда гаснущего грусть,
и рук моих ослабших дрожь.
Когда-нибудь... ну, а пока,
я всё спишу на боль в спине,
на цвет давящий потолка
и бесконечный дождь в окне.

В ОБЛАКАХ...

Взволнованно, отдавшись ритму
мелодии и языка,
читал стихи он, как молитву,
и уносился в облака...
А в облаках бывает всяко,
кто там витал, меня поймёт –
то явится апостол Яков,
то подмигнёт лукаво чёрт.
Спуститься вниз довольно трудно,
да и зачем – пари, поэт!
К тебе рвану я этим утром,
и мы увидимся в обед.
Расстелем скатерть на поляне
поверх пушистых облаков,
и, как нормальные миряне,
мы пригласим к себе богов.
И будет пир! А пир не пьянка –
чин чином, тосты, этикет.
А там внизу дымится свалка,
но нас с тобой там больше нет...

В ХАШНОЙ* У МУРАДА

В. Глонти

Когда молчать нельзя уже
и расставаться, вроде, рано,
душа откроется душе
на дне десятого стакана.
Сейчас исповедальня здесь –
в прокуренной батумской хашной,
отсюда шаг лишь до небес,
а остальное и не важно.
Мы выдохнем свои стихи,
на скатерть бросим жизни повесть,
и даже мелкие грехи
не даст нам скрыть сегодня совесть.
Она от призрачных утех
ушла и села тут же рядом,
и по щеке слеза сквозь смех
от брошенного ею взгляда.

* хашная – аналог трактира.

Не увильнуть и не солгать,
и все кривлянья неуместны...
Сегодня, видимо, печать
поставил ангел тут небесный.

* * *

Ветер, дождь, а нищенка босая
развела костёр и руки греет.
Редкие прохожие бросают
медяки, – и быстро вечереет.
Я сейчас в уютном тёплом доме –
чай горячий, вкусный бутерброд.
Наплевать на дождь, раскаты грома
и на ту, что во дворе живёт.
Пусть она промёрзла и чуть дышит,
мне нет дела до её проблем,
я в тепле, я под надёжной крышей,
рюмку водки чем-нибудь заем.
В руки пульт – на кнопки нажимаю,
выберу канал повеселей,
погляжу, как в клубах зажигают,
ну, и – спать, в кроватку поскорей.
Не заснул, не по себе мне – худо,
быстро положил еду в пакет
и бегом по лужам на тот угол,
прибежал – её уже там нет...
Замер я растерянно и плачу,
не успел согреть и накормить,
сам себе я приговор назначу,
не сумею я себя простить!

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

А.Цветкову

Возьму бутылку убойной чачи,
куплю билет в один конец
и улечу в страну апачей,
пасти ободранных овец.
Там старый вождь, знакомый с Лоркой,
поведает, куря дурман,
что проживает, мол, в Нью-Йорке
поэт из русских могикан.
Из тайника достанет книжку,
всё племя сядет у костра,
и будут рваться в небе вспышки
стихов до самого утра.
Вождь мне подарит этот томик –
прочту взахлёб, затру до дыр.
Почийте ж с миром, бедный Йорик,
Ромео и несчастный Лир...

* * *

Остыла чашечка, и кофе
уже не тот имеет вкус...
Вино не то в хрустальном штофе,
и горьковат вишнёвый мусс...
В ногах две милые собаки,
но, к сожаленью – цвета беж...
Американские дензнаки –
на случай бегства за рубеж...
Автомобиль от «Митсубиси» –
мечтаю о «Порше Каен»...
Живот большой, затылок лысый,

невнятный цвет квартирных стен...
 Жена, похожая, на Синди,
 а не на душечку Джоли...
 Зачем-то изучаю хинди
 и сюрреальный мир Дали...
 Из крайности бросаюсь в крайность,
 в смешных иллюзиях паря,
 пойму, наверное, под старость,
 что суетился, в общем, зря...
 Оставлю недопитым кофе,
 и с грустью бросив взгляд окрест,
 начну подъём к своей Голгофе,
 ввалив на плечи только крест.

* * *

Бежит, бежит, уходит время,
 течёт сквозь пальцы, как песок,
 мне остаётся только верить,
 что жизнь моя не зря, а впрок.
 Что из своей простой могилы
 в пасхальный, и не только, день,
 я буду видеть у любимой
 в руках лиловую сирень.
 И что друзья с бутылкой горькой,
 пирушки после, всей толпой,
 поднимутся ко мне на горку
 и скажут тост за упокой.
 Что будут помнить тропку внуки
 туда и через много лет,
 гранита их коснутся руки,
 и я услышу: «Здравствуй, дед...»

* * *

Вас однажды впустят, вырвав из метели
 ночью безнадежной, с холода в уют,
 на кровать застелют чистые постели,
 в рюмочку холодной водочки нальют.
 Будет сон из детства, крепкий и спокойный,
 не спалось так сладко много, много лет,
 утром вас разбудит запах леса хвойный,
 женщина прошепчет ласково – «Привет...»

* * *

Всё чаще хочется амфибию
 построить и свалить в Намибию...
 Богиня драмы, Мельпомена,
 позволь мне вжиться в роль бушмена,
 да так, чтоб в ритуальной пляске
 мог без набедренной повязки
 скакать и падать пьяной харей
 в песок священной Калахари,
 а выпитое за день зелье
 на благо бы и без похмелья.
 Ручные львы, в друзьях – зулусы,
 на теле женщин только бусы,
 и нет табу на многоженство –
 „Даёшь грузинское потомство!“
 Потом купить у немца Штоля
 кусок бананового поля
 у океана рядом с бухтой
 и восклицать с восторгом – „Ух ты!“,
 любуясь видами Виндхука...
 не здесь ли съели Джеймса Кука?
 А впрочем, что, на самом деле,

волнуюсь, где там Кука съели.
 Подальше мне бы от дебатов
 вокруг бюджета депутатов,
 вконец достали разночтенья
 за скорое в ЕС вхождение...
 Итак, Виндхук – здесь встречу старость,
 но попрошу у Бога малость –
 хочу, чтоб воины гереро,
 мне исполняли утром – „Реро...“

* * *

Луна касалась Зедазени,
 перед дождём метался стриж,
 кресты с церковью бросали тени
 на черепицу старых крыш.
 Вдали угадывался Джвари,
 под ним, как прежде, две реки –
 Арагви слева, справа Мтквари,
 в саду мерцали светляки.
 Играл янтарным цветом виски,
 искрилось красное вино...
 висело небо очень низко,
 и звёзды сыпались в окно.
 Шаги – из ночи вышли двое,
 как призраки, возникли вдруг,
 и не хватало только воя,
 чтобы почувствовать испуг.
 Один держал ведро с хинкали,
 другой нёс блюдо с шашлыком.
 Не отвертеться от реалий –
 мы под грузинским колпаком!
 Застолье расслабляет быстро
 поэтов, жуликов, врачей,
 и вот уже шансон со свистом,
 бессмысленность пустых речей.
 О вере в Бога, „бедах“ геев,
 о хитрых происках Кремля,
 о всемогуществе евреев,
 о том, что суки у руля.
 И так полночи – пили, ели,
 но разве в этом жизни суть,
 и мы к стене Светицховели
 решили всё-таки рвануть!
 Сверкал колосс в лучах подсветки,
 но только портило сюжет
 то, что на фреске Колька – Светке
 оставил пламенный привет.
 Луна ушла, и утро Мцхету
 залило солнечным теплом.
 Хирург, политик, два поэта
 похмелье правили вином...

КАИР

Серый город, пыль, пески,
 пирамиды, как соски,
 центра шум и суета,
 переулков нищета.
 Дым кальянов до небес,
 с минаретов соль-дизе.
 Моисеевы следы
 через нильские сады,
 как библейская верста
 от безбожья до Христа...

Из рук вон...

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФИЛОЛОГО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЗАБАВА, ИЛИ ЦИФРОВОЙ ВЕК ПОЭЗИИ.

<http://www.adme.ru/svoboda-kultura/cifrovye-stihi->

Когда появился этот вид поэзии, точно сказать трудно. Одни утверждают, что цифровые стихи появились благодаря креативу программистов, которые стремятся все оцифровать. Другие утверждают, что мода на стихи в числах пришла к нам с Запада в 90-е годы 20 века. Третьи говорят, что баловались написанием веселых цифровых стихов еще в школе, задолго до всеобщей компьютеризации. В цифровой поэзии используют только числительные. А для экономии места так числами и записывают. Однако по форме это настоящие стихи. В цифровых стихотворениях есть и рифма, и ритм, и размер. По своей информативности, эмоциональной насыщенности, динамике и образности цифровые стихи ближе к музыке — ведь в музыке тоже нет слов и готовых образов, но она красива и волнительна. Кроме того, цифровые стихи развивают воображение, поскольку в них нет готовых, созданных поэтом, образов. Читателю дается полная свобода мысли. Стихи в числах разделяют на жанры. Бывают веселые цифровые стихи, грустные цифровые стихи, стихи классиков в числах и так далее. Кстати, почитатели цифровой поэзии, как часто бывает в искусстве, разбились на два лагеря. Первые, представители «чистого» направления, допускают использование только цифр, как в наших примерах. Вторые, так называемые «либералы», используют дроби (типа «три целых семь десятых» или «четыре сорок пятых»), знаки, обозначающие действия и даже функции. Например:

$\sin(19)$
+ корень из 5
 $\text{Atg}(18)$
+ интеграл 6

А. ПУШКИН

17 30 48
140 10 01
126 138
140 3 501

ЭЛЕГИЯ

30000... 103 000 000...
48... 102 000 000 000 000...
115... 106... 43... -
8000... 2003...

СЧИТАЛКА

2 12 46,
48 3 06.
33 1 102,

С. ЕСЕНИН

14 126 14
132 17 43...
16 42 511
704 83
170! 16 39
514 700 142
612 349
17 114 02

В. МАЯКОВСКИЙ

2 46 38 1
116 14 20!
15 14 21
14 0 17

МАРШ

18 17 ! 18 16 !
115 13 3006 !
90 17 ! 90 16 !
240 110 ! 526 !

ВЕСЕЛЫЙ СТИХ

2 15 42
42 15
37 08 5
20 20 20

ГЕКСАМЕТР:

20 16 120 15-15...
3 25 117 4 6-8,
30 108 11 1020!
40 6000 17 02 38?

ХАЙКУ

127 148 230.
14 12 20?
0...

ЧАСТУШКА

117 117
19 2 5!
117 117
48 35!

ГРУСТНЫЙ СТИХ

511 16
5 20 337
712 19
2000047

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов – АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл.почта: abgl@yandex.ru

<https://www.facebook.com/abg.molotok>

Издаётся на средства редколлегии

Редакционная коллегия:

Сусанна Арменян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Николай Ломидзе,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.